

Войны Миллигана

Автор:

Дэниел Киз

Войны Миллигана

Дэниел Киз

Loft. Культовая проза Дэниела КизаБилли Миллиган #2От создателя Билли Миллигана. Проза Дэниела Киза

Многие годы читатели жаждали узнать, что же случилось после событий, описанных в культовом романе «Таинственная история Билли Миллигана», в котором писатель осветил один из самых загадочных судебных процессов за всю историю человечества. Уильям Миллиган – человек, который был обвинен в изнасиловании, но в процессе следствия было установлено, что в его сознании сосуществуют целых 24 совершенно разные личности. И вот – продолжение истории. В книге «Войны Миллигана» Дэниел Киз расскажет о принудительной госпитализации Билли, продлившейся десять лет. Это роман о боли, унижении, обмане и страхе, роман настолько откровенный, что до сих пор он не был опубликован в США.

Кто же он, Билли Миллиган, – преступник или все же жертва? Чего он заслуживает – ненависти, осуждения или сочувствия? Почему вот уже столько лет его личность привлекает к себе неослабевающее внимание?

На многие – но не все – вопросы вы найдете ответ в книге «Войны Миллигана».

После первой книги Дэниела Киза может показаться, что в этой истории не осталось белых пятен, но это не так. Чем дальше следуешь по страницам сиквела о жизни Билли Миллигана в лечебнице, тем больше появляется вопросов, которые автор не всегда спешит объяснить: личности Билли продолжают злостно перетягивать на себя одеяло всеобщего внимания.

ТАСС

Книга содержит нецензурную лексику.

Дэниел Киз

Войны Миллигана

Посвящается всем выжившим, скрывающимся и нет, а также тем, кто поддерживает в них надежду...

Daniel Keyes

THE MILLIGAN WARS

Copyright © 2006 by Daniel Keyes

© Юшенкова А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Люди внутри

Чтобы избежать путаницы с именами других людей, которые стали частью истории Билли Миллигана, имена его внутренних личностей даны со строчной буквы. Описание внешности приводится с их собственных слов.

Основная десятка

Доминантные альтер-личности, единственные, о ком было известно психиатрам, адвокатам, полиции и журналистам во время первого суда за изнасилования в конце семидесятых.

1. Уильям Стэнли Миллиган (он же Билли), 27 лет. Изначальная, корневая личность, которую впоследствии называли «Билли основной» или «Билли-О». Не окончил среднюю школу. Рост 180 см, вес 86 кг. Шатен с голубыми глазами.

2. артур, 22 года. Англичанин. Рассудительный, сдержанный, говорит с британским акцентом. Увлекается физикой и химией, читает медицинскую литературу. Присылал автору данной книги письма на арабском. Убежденный консерватор, сторонник капитализма, при этом ярый атеист. Первый, кто обнаружил существование остальных личностей. Доминирует в безопасных ситуациях, решая, кому из «семьи» дозволено появиться и завладеть сознанием, именуемым Пятном. Носит круглые очки в металлической оправе.

3. рейджен вадаскович, 23 года. Хранитель ненависти. Имя составлено из английских слов *rage again*, «опять разъяриться». Разговаривает по-английски с явно выраженным славянским акцентом, читает, пишет и говорит на сербско-хорватском. Разбирается в оружии, хорошо владеет карате, демонстрирует недюжинную силу, которой обладает благодаря способности контролировать выброс адреналина. Коммунист и атеист. Его роль – защищать «семью», а также женщин и детей в целом. Доминирует над сознанием в опасных ситуациях. Водит знакомство с преступниками и наркоманами, признается в незаконных поступках и агрессивном поведении. Вес 95 кг. Очень крупные руки, черные волосы и длинные свисающие усы. Страдает дальтонизмом и потому рисует только в черно-белых тонах.

4. аллен, 18 лет. Аферист и манипулятор. Чаще других членов «семьи» взаимодействует с посторонними. Агностик, живет под девизом «брать от жизни все». Играет на барабанах и пишет портреты. Единственный правша в «семье» и единственный, кто курит сигареты. Очень привязан к матери Билли. Того же роста, что и Уильям, хотя весит меньше (75 кг). Расчесывает волосы на правый пробор.

5. томми, 16 лет. Мастер по освобождению от наручников и смирительной рубашки. Его нередко путают с алленом. По большей части враждебен и асоциален. Играет на саксофоне, хорошо разбирается в электронике и пишет пейзажи. Светло-русые волосы и янтарные глаза.

6. дэнни, 14 лет. Запуганный. Боится людей и особенно мужчин, поскольку однажды отчим заставил его вырыть себе могилу и закопал его живьем. Пишет только натюрморты. Светлые волосы до плеч, голубые глаза. Невысокого роста, худощавый.

7. дэвид, 8 лет. Хранитель боли, эмпат. Берет на себя муки и страдания других личностей. Крайне чуток и восприимчив, но не способен подолгу концентрироваться. Большую часть времени пребывает в замешательстве. Темные с рыжиной волосы, голубые глаза, тщедушное телосложение.

8. кристин, 3 года. Прозвана «девочкой в углу», поскольку именно она в школе постоянно стояла в углу. Умная маленькая англичаночка, умеет читать и писать печатными буквами, но страдает дислексией. Любит рисовать карандашом и раскрашивать картинки с цветами и бабочками. Светлые волосы до плеч, голубые глаза.

9. кристофер, 13 лет. Брат кристин. Говорит с британским акцентом. Послушный, но беспокойный. Играет на гармонике. Волосы светло-русые, как у кристин, но не такая длинная челка.

10. адалана, 19 лет. Лесбиянка. Застенчивая, нелюдимая и замкнутая. Пишет стихи, готовит и ведет хозяйство для «семьи». Черные длинные волосы свисают жидкими прядями, карие глаза «танцуют» – подергиваются по причине нистагма. Только она может по своему желанию прогнать какую-то из личностей с Пятна.

Нежелательные

Подавленные артуром в связи с нежелательными чертами характера, эти скрытые личности впервые явили себя доктору Дэвиду Колу в Афинском психиатрическом центре.

11. филип, 20 лет. Криминальный элемент. Говорит с сильным бруклинским акцентом, матерится. Совершал мелкие преступления. Когда одна из пострадавших женщин вспомнила, что нападавший называл себя Филом, полиция и журналисты поняли, что кроме десяти известных психиатрам личностей внутри Билли живут и другие. Вьющиеся каштановые волосы, карие

глаза, нос с горбинкой.

12. кевин, 20 лет. Обожает продумывать план действий. Мелкий воришка, разработал схему ограбления аптеки. С удовольствием пишет. Светлые волосы, зеленые глаза. Был избавлен от статуса «нежелательного» после того, как в одиночку оказал сопротивление садистским санитарам в больнице города Лима.

13. уолтер, 22 года. Австралиец. Носит усы. Воображает себя охотником на крупного зверя. Прекрасно ориентируется на местности и часто стоит «на стреме». Подавляет эмоции. Эксцентричен.

14. эйприл, 19 лет. Стерва. Говорит с бостонским акцентом. Одержима идеей зверски расправиться с Чалмером, отчимом Билли. Остальные зовут ее полоумной. Умеет шить и помогает по хозяйству. Брюнетка с карими глазами.

15. сэмюэль, 18 лет. Вечный жид. Консервативный иудей и единственный верующий в «семье». Скульптор и резчик по дереву. Черные вьющиеся волосы и борода, карие глаза.

16. марк, 16 лет. Рабочая лошадка. Выполняет монотонные дела. Безынициативен. Делает только то, что ему велят другие. Когда занятия нет, тупо смотрит в стену. Прозван «зомби».

17. стив, 21 год. Отпетый мошенник. Передразнивает окружающих. По причине самовлюбленности так и не согласился с диагнозом диссоциативного расстройства. Его насмешливые пародии часто кончаются неприятностями для остальных личностей.

18. ли, 20 лет. Остряк, шут и любитель розыгрышей, что приводит к потасовкам в тюрьме и психиатрических клиниках и, как следствие, заключению в карцер. Не ценит жизнь и не заботится о последствиях своих поступков. Темно-каштановые волосы, карие глаза.

19. джейсон, 30 лет. Предохранительный клапан. Его истерики и вспышки гнева нередко заканчиваются наказанием. Аккумулирует тяжелые воспоминания, позволяя остальным личностям ничего не помнить. Шатен, карие глаза.

20. роберт (бобби), 17 лет. Мечтатель. Беспреданно грезит о путешествиях и приключениях. Хочет сделать мир лучше, но ничего для этого не предпринимает. Интеллектуальных увлечений не имеет.

21. шон, 4 года. Глухой мальчик, которого часто принимают за умственно отсталого. Жужжит, чтобы почувствовать вибрацию в голове.

22. мартин, 19 лет. Сноб. Житель Нью-Йорка, хвастун и задавака. Держится высокомерно. Хочет все иметь и ничего для этого не делать. Сероглазый блондин.

23. тимоти (тимми), 15 лет. Работал в цветочном магазине, где однажды стал объектом домогательства гомосексуалиста. Испугался и замкнулся в себе.

Учитель

Собирательная личность, в которой слиты другие двадцать три. Возраст 27 лет. Обучил остальных всему, что они умеют. Чуток, обладает острым умом и тонким чувством юмора. Говорит: «Я – Билли «все в одном»», и называет остальных «мои андромиды». Учитель помнит практически все события. Именно его появление и желание сотрудничать сделали возможным эту книгу.

Пролог

Таинственная история Билли Миллигана

1

Во второй половине октября тысяча девятьсот семьдесят седьмого года из университетского городка в штате Огайо были похищены в собственных машинах три девушки. Под дулом пистолета они выехали за город и были изнасилованы. Не прошло и двух суток после третьего похищения, как

полицейские уже зачитывали двадцатидвухлетнему Уильяму Стэнли Миллигану его права. Арест «университетского насильника» стал неожиданно крупным успехом для полицейского управления города Колумбус.

Обвинитель, хваставший, что ни разу не проигрывал дело об изнасиловании, заявил: «Приговор у нас, считайте, в кармане. Ордер на арест был выдан в соответствии с процессуальными нормами. У нас есть все: вещественные доказательства, отпечатки пальцев, показания жертв. Защите будет нечего этому противопоставить».

Однако молодые адвокаты – Гэри Швейкарт и Джуди Стивенсон – обратили внимание на непоследовательное поведение своего клиента. Испуганный мальчик, с которым беседовал Швейкарт в тюрьме в первый день, спросил, можно ли прислать ему адвоката-женщину, потому что он всю жизнь боится мужчин. Вернувшись в контору, Швейкарт сунул голову в кабинет Джуди Стивенсон: «Угадай, кому ты понадобилась?»

Во время второй встречи с адвокатом Миллиган совершенно преобразился, и Джуди Стивенсон разговаривала не с напуганным мальчиком, а с мошенником-острословом.

Стивенсон сообщила Швейкарту, что Миллиган предстает то как по-детски наивный мальчик, который бьется головой о стену камеры, пытаясь покончить с собой, то как замкнутый молодой человек, который съежился и полностью ушел в себя.

Защитники обратились к судье Джею Флауэрсу, ходатайствуя о назначении для Миллигана психиатрической экспертизы. По их мнению, клиент страдал шизофренией и не мог предстать перед судом. Судья Флауэрс распорядился, чтобы Юго-Западный психиатрический центр города Колумбус, штат Огайо, обследовал подзащитного.

Юго-Западный центр поручил задание психологу Дороти Тернер, которая быстро поняла, что имеет дело с диссоциативным расстройством идентичности (ДРИ). Она познакомилась и поговорила в дэвидом, восьмилетним мальчиком, который вышел на передний план принять на себя страдания и бился головой о стену, чтобы потерять сознание и не чувствовать боли. Он открыл Тернер секрет: первый, корневой, Билли спит внутри, потому что артур (англичанин) и рейджен

(югослав) боятся, как бы он, пробудившись, не покончил с собой и всеми ними.

Хотя Тернер читала про ДРИ, сама она столкнулась с подобным случаем впервые. Поэтому она попросила свою коллегу, уроженку Эстонии доктора Стеллу Каролин, помочь в постановке диагноза.

Чтобы не повлиять на выводы Каролин, Тернер сообщила ей только, что молодой заключенный, по его собственным словам, всю жизнь страдает провалами в памяти. Этот факт, вместе с информацией о том, что у Миллигана в детстве отмечалась повышенная температура, навел Каролин на мысль, что забывчивость Миллигана связана с припадками. Еще до встречи с заключенным она объявила Тернер, что подозревает у него повреждение мозга и эпилепсию.

Ее озадачила усмешка, которую эти слова вызвали у Дороти Тернер. В тюремной процедурной Тернер представила Стеллу Каролин аллену, дэнни, томми и рейджену. Когда альтер-личности начали по очереди с ней здороваться, Каролин изумленно открыла рот и так, в состоянии, близком к трансу, просидела всю сессию. Самое сильное впечатление на нее произвел рейджен. Произнеся несколько фраз с выраженным славянским акцентом, он заявил, что кроме него она была единственной во всей тюрьме, кто говорил по-английски без акцента.

Позже Стелла Каролин узнала, что рейджена следует опасаться, и все-таки решила, что он ей нравится больше всех. Ни в тот день, ни впоследствии у нее не возникало сомнений, что в Миллигане действительно живут несколько личностей.

Позднее, уже имея в своей частной практике опыт работы с другими подобными пациентами, она объясняла: «Стоит однажды поймать свои ощущения в присутствии «множественника», и ты их больше никогда ни с чем не спутаешь. Это всегда очень яркое чувство. Ты замечаешь, как пациент переключается, меняется, и одновременно отслеживаешь свою реакцию – уникальное, двойственное ощущение эмпатии и сострадания, – причем очень сильное. Впервые я испытала его при знакомстве с Билли Миллиганом».

После того как Каролин подтвердила диагноз, Дороти Тернер первым делом позвонила Джудии Стивенсон и сказала буквально следующее: «Я это сейчас обсуждать не могу, но, если ты не читала книгу «Сибилла», найди и прочитай».

Несколько дней спустя тюремный дежурный позвонил Гэри Швейкарту на домашний номер. «Вы не поверите, – начал он, – но с вашим подзащитным что-то явно не в порядке. Он кулаком разбил унитаз в камере и осколком порезал себе вены».

Во избежание новых попыток самоубийства шериф распорядился надеть на Миллигана смирительную рубашку. Вскоре после этого врач, пришедший проверить заключенного, позвонил дежурному, чтобы привлечь его в качестве свидетеля. Оказалось, что Миллиган освободился от смирительной рубашки и – подложив ее под голову как подушку – крепко спит.

Тернер познакомила Джуди Стивенсон с некоторыми личностями Миллигана. Произнося слова с безупречным британским акцентом, артур поведал ей, как образно объясняет молодым членам «семьи», что происходит, когда в сознании доминирует кто-то другой: говорит им, что когда они выходят в реальный мир, то «встают на Пятно». Тот, кто в данный момент на Пятне, завладевает сознанием, а другие могут по желанию наблюдать или просто спать, оставаясь в тени.

Стивенсон познакомилась с томми, мастерски умевшим выпутываться из оков, трехлетней крестин, подростком дэнни, которого мучил и насиловал отчим Чалмер, и сладкоречивым мошенником алленом.

В последующие дни Стивенсон выяснила, что в спокойной обстановке на Пятне доминировал артур. В опасных же ситуациях, например в тюрьме, контролировал Пятно и решал, кому дозволено выйти в мир, рейджен. Именно рейджен, Хранитель ненависти и защитник «семьи», обладая силой десятих мужчин, вдребезги разбил унитаз.

Когда Джуди Стивенсон повела знакомить с личностями Гэри Швейкарта, тот был настроен скептически, но покинул тюрьму в состоянии крайнего изумления и без малейших сомнений. Швейкарт решил, что ничего не остается, кроме как просить судью о назначении полной психиатрической экспертизы, призванной установить, каково было состояние Миллигана во время совершения преступлений и может ли он предстать перед судом.

Выстраивая линию защиты, Швейкарт и Стивенсон столкнулись с двумя главными препятствиями: Управлением по условно-досрочному освобождению штата Огайо и госпиталем для душевнобольных преступников города Лимы.

Поскольку Миллиган был недавно освобожден условно, отсидев два года из пятнадцати за разбойное нападение, глава управления Джон Шумейкер приказал немедленно препроводить его в тюрьму за нарушение условий досрочного освобождения. Гэри Швейкарт, однако, понимал, как сложно будет работать по такому непростому делу, не имея возможности регулярно видеть заключенного, который к тому же психически нестабилен, и убедил судью Флауэрс запретить повторный арест подзащитного, пока тот находится в юрисдикции франклинского окружного суда и ведении Департамента психиатрии штата Огайо.

Второй сложностью было обеспечить Билли психиатрическую экспертизу и лечение в местной клинике Колумбуса. Обычно для досудебного освидетельствования, наблюдения и возможного лечения, которое в конце концов позволит ему предстать перед судом, обвиняемого направляли в Лиму, где находился госпиталь для душевнобольных преступников. При этом большинство адвокатов и психиатров сходились во мнении, что это худшее психиатрическое заведение во всем штате.

Швейкарт и Стивенсон категорически заявили судье Флауэрс, что Билли там не выживет и что редкий характер его заболевания требует особенно тщательной постановки диагноза и специфического лечения. По их просьбе Флауэрс распорядился, чтобы психиатрическая экспертиза проводилась в частной клинике Хардинга в Колумбусе. Доктор Джордж Хардинг, уважаемый психиатр старой закалки, не имеющий предубеждений в отношении диссациативного расстройства идентичности, согласился принять Миллигана в свое учреждение и сообщить суду о результатах наблюдений.

В течение семи месяцев интенсивного всеобъемлющего обследования Джордж Хардинг консультировался со специалистами по ДРИ по всей стране и, что наиболее примечательно, с доктором Корнелией Уилбур, которая в свое время лечила широко известную Сибиллу. С ее помощью доктор Хардинг выявил

десять основных личностей Миллигана, включая изначального, основного Билли, и познакомил их друг с другом, чтобы добиться психического состояния под названием сосознание.

Двенадцатого сентября тысяча девятьсот семьдесят восьмого года – после семимесячного наблюдения и лечения – доктор Хардинг направил судье Флауэрсу отчет на девяти страницах, который содержал медицинскую, социальную и психиатрическую историю Миллигана: «Пациент сообщает, что его мать, брат и сестры часто подвергались телесным наказаниям, а сам он – садистскому обращению и сексуальному насилию, включая половой акт, со стороны мистера [Чалмера] Миллигана. По словам пациента, это началось, когда ему было восемь или девять лет, и продолжалось около года, обычно на ферме, где он оставался с отчимом один на один. Пациент боялся за свою жизнь, поскольку отчим грозил, цитирую, «закопать его в сарае, а матери сказать, что сбежал»».

От коллег и из психиатрической литературы Хардинг узнал, что ДРИ почти всегда начинается в раннем возрасте вследствие жестокого обращения и особенно – сексуального насилия.

Анализируя психодинамику данного случая, Хардинг указал, что самоубийство биологического отца Миллигана лишило мальчика отцовской заботы и породило ощущение какой-то иррациональной силы, а также всепоглощающее чувство вины, которое привело к тревожности, внутреннему конфликту и чрезмерному фантазированию. Таким образом, он стал «легкодоступной жертвой для отчима Чалмера Миллигана, который использовал потребность мальчика в близости и заботе для удовлетворения собственных сексуально-садистских наклонностей...»

Далее Хардинг писал, что поскольку юный Миллиган идентифицировал себя с матерью, то когда Чалмер ее избивал, мальчик «чувствовал ее ужас и боль...» [Это привело к] «страху ее потерять, в результате чего он оказался в зыбком мире фантазий, характеризующемся непредсказуемостью и неясностью. Все это, вместе с грубостью, садизмом и сексуальным насилием со стороны отчима, привело к регулярной диссоциации...».

Вывод доктора Хардинга был ясным и недвусмысленным: «Пациент в состоянии предстать перед судом, поскольку у него произошло слияние множественных личностей... Я также убежден, что пациент страдает психическим расстройством, вследствие чего не может отвечать за преступные действия, совершенные им во второй половине октября тысяча девятьсот семьдесят седьмого года».

Прокурор округа Франклин Бернارد Явич согласился с заключением Хардинга, и судья Флауэрс объявил, что ему не остается ничего иного, кроме как вынести оправдательный приговор. Уильям Стэнли Миллиган вошел в юридические сборники как первый в истории человек, которого признали невиновным в серьезном преступлении «по причине невменяемости» на основе диагноза «диссоциативное расстройство идентичности».

Флауэрс рекомендовал суду по делам о наследствах и опеке направить Миллигана не в Лиму, а в иное заведение, где он сможет получить лечение с учетом своей малоизученной и неоднозначной болезни. Ознакомившись с отчетами и доказательствами, судья по наследственным делам и опеке согласился с мнением коллеги, который вел дело, и направил Миллигана в Афинскую психиатрическую клинику (АПК), где его лечением занялся доктор Кол, специалист по диссоциативному расстройству идентичности.

3

Хотя первоначальный диагноз Хардинга выявил десять ясно различимых личностей, включая Билли (корневую личность), – полностью сформированных, разного возраста, пола и коэффициента умственного развития, – доктор Кол вскоре обнаружил еще четырнадцать альтер-эго.

Тринадцати из них, как выяснилось, запрещалось вставать на Пятно, и они были скрыты от мира, поскольку артур считал их «нежелательными». Используя опыт работы с другими «пациентами-множественниками», доктор Кол смог сплавить (объединить, или слить) двадцать три внутренних личности в одну, новую личность, которая не существовала ранее. Этот появившийся последним индивид помнил все, что думали, делали и говорили остальные с момента их появления. Они прозвали его Учителем.

Хотя Афинская психиатрическая клиника была заведением открытого типа, Миллиган не имел права покидать здание без разрешения доктора Кола. Поскольку одним из аспектов лечения считалось наращивание уверенности в себе, а также развитие доверия между пациентом и врачом, доктор Кол систематически увеличивал свободу передвижения Миллигана и список того, что ему позволено. Вначале Миллиган не мог выходить на улицу без сопровождения, затем ему разрешили самостоятельные короткие прогулки в пределах больничной территории при условии, что он будет отмечаться в журнале, как делали другие пациенты.

Шли месяцы. Постепенно его, с двумя сопровождающими, стали отпускать в город (купить принадлежности для рисования, встретиться с новым адвокатом, положить в банк деньги, вырученные от продажи картин). Затем позволили покидать территорию больницы в сопровождении одного человека. Доктор Кол провел Билли через интенсивную ролевую терапию, готовя его к самостоятельности.

Глава Управления по условно-досрочному освобождению Джон У. Шумейкер, отступив от своей обычной практики в отношении досрочно освобожденных душевнобольных, продолжал отслеживать процесс лечения Билли Миллигана. Ранее судья Флауэрс расстроил его планы по водворению Миллигана в тюрьму, и теперь Шумейкер выжидал, когда Миллиган «выздоровеет» и выйдет из-под юрисдикции суда, чтобы бросить его в тюрьму на оставшиеся тринадцать лет.

Поначалу выходы в город проходили спокойно. Учитель гордился своей целостностью и, ничем не отличаясь от студентов, гулял по территории университета. Первые успехи лечения привели Гэри и Джуди к выводу, что Билли сможет жить нормальной жизнью.

Однако в отличие от других пациентов с диагнозом множественной личности, которых лечили без шумихи и под фиктивными именами, Билли Миллиган стал знаменитостью сразу после своего ареста из-за повышенного внимания СМИ. Когда был официально объявлен его диагноз, он и его врачи превратились в объекты сочувственного любопытства во всем мире и мишень для нападок – в центральном Огайо. Несколько местных политиков резко критиковали доктора Кола и оправдание Билли по причине невменяемости. Ни врач, ни пациент не подозревали, что из Колумбуса на них надвигается буря негодования.

Тридцатого марта тысяча девятьсот семьдесят девятого года ежедневная газета «Колумбус диспэтч» опубликовала первую из серии статей о Билли и его докторе.

ВРАЧ РАЗРЕШИЛ НАСИЛЬНИКУ ПОКИДАТЬ КЛИНИКУ

Автор Джон Свитцер

«Диспэтч» стало известно, что Уильям Миллиган, насильник с диагнозом множественной личности, направленный в декабре прошлого года в Афинскую психиатрическую клинику, получил разрешение выходить в город без сопровождения... Лечащий врач Миллигана Дэвид Кол заявил газете, что Миллиган может покидать территорию больницы и свободно разгуливать по городу...

За этой статьей последовали другие, включая передовицу под заголовком «Защитите общество – измените законодательство». Во всех материалах жестко критиковались методы лечения Миллигана.

Два члена законодательного собрания штата, Клэр Болл-младшая из Афин, прозванная «скандалисткой», и Майк Стинциано из Колумбуса, обрушились с критикой на клинику и доктора Кола, требуя от законодательного собрания штата пересмотра нормативного акта, согласно которому Миллигана отправили в Афины. Они также требовали изменения закона о «признании невиновным по причине невменяемости».

Стинциано (ошибочно) утверждал, что доктор Кол позволил пациенту «в одиночку шататься по городу», поскольку тайно пишет книгу о Миллигане и скандальная известность пациента ему на руку. Усиливающаяся критика, которая подогревалась почти ежедневными статьями и заголовками на первых страницах газет, вынудили суперинтенданта клиники вновь ограничить Миллигана пределами больничной территории, пока не уляжется шумиха.

Расстроенный нападками на своего врача и растерявшийся от шквала статей, ставящих под сомнение диагноз и методы лечения, Учитель рассоединился.

Миллиган сдавал позиции.

Законодатели начали оказывать давление на суд, добиваясь перевода Билли в госпиталь для душевнобольных преступников в Лиме.

Седьмого июля тысяча девятьсот семьдесят девятого года на первой странице «Колумбус диспэтч» появилась статья в красной рамке: «Насильника Миллигана могут отпустить в ближайшие месяцы». Говоря о том, что через три-четыре месяца Миллигана могут признать здоровым и выпустить в соответствии с интерпретацией закона, которого придерживается Верховный суд США, репортер, взявший интервью у депутата Стинциано, писал: «Он [Стинциано] полагает, что жизнь Миллигана окажется под угрозой, если жители Колумбуса узнают, что он беспрепятственно разгуливает по городу...»

После десяти месяцев непрекращающихся нападок со стороны политиков и журналистов судья афинского окружного суда Роджер Джоунс вынес решение о переводе Миллигана в госпиталь Лимы. Позднее четвертый окружной апелляционный суд Огайо признал это нарушением прав Миллигана... Так или иначе, четвертого октября тысяча девятьсот семьдесят девятого года Билли увезли за сто восемьдесят миль от Афин, в лечебное заведение, которое многие называли «больницей в аду».

Здесь и начинается продолжение правдивой истории Билли Миллигана.

Предисловие

После того как Билли Миллиган был неожиданно переведен в госпиталь для душевнобольных преступников в Лиме – лечебное заведение строгого режима, от которого его пытались уберечь адвокаты, – я, наслышанный про «больницу в аду», решил поднять ее историю.

Обнаружил две статьи ежедневной кливлендской газеты «Плейн дилер». Первая датировалась двадцать вторым мая тысяча девятьсот семьдесят первого года:

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ПОВЕСИВШИХСЯ В ЛИМЕ. ВСКРЫТИЯ НЕ БУДЕТ.

Собственные корреспонденты Эдвард П. Уилан и Ричард Ч. Уидман

Лима, штат Огайо

Согласно попавшим в распоряжение «Плейн дилер» отчетам коронера алленского окружного суда, за последние девять лет в госпитале Лимы совершили самоубийство через повешение двадцать шесть пациентов...

Доктор Ноубл заявил вчера нашей газете, что не в его практике запрашивать вскрытие для повесившихся.

Винсент Дж. Де Вита, бывший санитар больницы, работавший в ней с тысяча девятьсот шестидесятого по шестьдесят пятый год, рассказал нашим репортерам, что знал двух пациентов, которые совершили самоубийство из-за зверского обращения...

Большинство из двадцати шести повесились необычным способом, который, судя по всему, хорошо известен в госпитале.

«Чтобы так умереть, нужна сильная решимость, – отметил коронер, – пациент может в любую секунду спастись, просто встав на ноги».

В статье не описывался «необычный способ» самоубийства – вероятно, чтобы не травмировать читателей или чтобы им не воспользовались пациенты других лечебных заведений.

Четыре дня спустя «Плейн дилер» напечатала еще одну статью с бросающимся заголовком:

НАКАЗЫВАЮТ ЭЛЕКТРОШОКОМ

Рассказ бывшей санитарки

Собственные корреспонденты Эдвард П. Уилан и Ричард Ч. Уидман

Лима, штат Огайо

Бывшая санитарка, которая уволилась из госпиталя, будучи не в силах наблюдать жестокое обращение с пациентами, рассказала вчера нашей газете, что в больнице широко применяется электрошок для наказания и запугивания.

Решительная и прямолинейная Джин Ньюман, сорока шести лет, которая во время Второй мировой служила в женском батальоне ВМФ США, заявила, что своими глазами видела, как пациентка после шоковой терапии «превратилась в овощ»...

Миссис Ньюман, преодолевая отвращение, добавила: «Я сильный человек, видала всякое, но хуже ничего не встречала. За несколько минут женщина превратилась из человеческого существа в студень. Меня чуть не стошнило. В Лиме она [шоковая терапия] используется только для наказания или запугивания. Никак не для помощи пациенту».

Я начал понимать, почему год назад Швейкарт и Стивенсон так убеждали суд и Департамент психиатрии не направлять их подзащитного в Лиму.

Теперь, из-за политического давления, которое организовали два законодателя штата Огайо, Миллигана переводили именно туда.

Зная, что корневой Билли проявлял склонность к суициду и в более щадящих условиях, я беспокоился о том, что? он может сотворить с собой в заведении вроде Лимы. У большинства «множественников» альтер-эго развиваются как механизм выживания. А Билли – корневая личность, значащаяся в свидетельстве о рождении, – был объявлен склонным к суициду. Поэтому артур с рейдженем и усыпили его в четырнадцатилетнем возрасте, когда он попытался спрыгнуть с крыши школы.

Я боялся, что, если основной Билли проявится в Лиме, он разом прикончит двадцать четыре личности, уничтожив одно тело.

И это чуть не произошло.

После перевода Билли в Лиму я попытался его навестить, но встретил жесткий отпор со стороны его нового врача (не члена ассоциации психиатров).

Последний, как мне показалось, отреагировал на мою просьбу крайне враждебно. На мой взгляд, это свидетельствовало о страхе – он боялся, что я своими глазами увижу истинное положение дел.

Осенью тысяча девятьсот семьдесят девятого года Департамент общественной информации Лимы организовывал для желающих регулярные экскурсии в госпиталь, и меня внесли в список. Однако спустя некоторое время уведомили, что мой визит отменен доктором Льюисом Линднером, а при входе в каждое отделение висит его приказ не пропускать меня в больницу.

Тридцатого января тысяча девятьсот восьмидесятого года, в тот же день, когда я получил от Билли заметки с описанием происходящего, пришло письмо от другого пациента Лимы, который несколькими днями ранее звонил мне в связи с ситуацией в больнице.

Сэр, поговорив с вами по телефону, я решил переписать свое письмо к вам. Перейду сразу к делу. Не прошло и суток после посещения адвоката, как Билла перевели из ИТ-5 в ИТ-9. В девятом отделении интенсивной терапии более жесткий режим.

Персонал принял решение о переводе во время ежедневной планерки. Для Билла это стало полной неожиданностью и повергло в шок, но он держался молодцом...

Теперь мы с Биллом можем разговаривать только во время дневного отдыха. Он говорит, что ему запретили любые посещения, переписку и звонки до тех пор, пока он не уволит своих адвокатов. Ему велено прекратить работу над книгой [которую писал о нем ваш покорный слуга], над ним издеваются санитары. (Меня тоже обвиняли в помощи Биллу с книгой, и я понял, что эти люди категорически не хотят ее выхода в свет...)

Надеюсь, я вам помог. Если могу сделать что-то еще, только попросите.

С уважением, [имя намеренно не указывается].

Я не указал или изменил имена пациентов, заключенных, медсестер, санитаров, охранников и обслуживающего персонала медучреждений, в которые заточали Билли, чтобы защитить их частную жизнь.

Впоследствии, после протеста со стороны адвоката, помощник генерального прокурора позвонил мне и сообщил, что ограничения против меня сняты и я могу навещать Билли.

Поскольку доктор Линднер не ответил на мое заказное письмо и таким образом не воспользовался возможностью поделиться своим взглядом на события в Лиме, я считаю себя обязанным указать источники информации о нем: описание его внешности, выражение лица и поведение основываются на моих наблюдениях во время судебных заседаний, где я присутствовал; сцены с его участием созданы на основе интервью Миллигана; действия Линднера в отношении Билли во многом базируются на медицинских отчетах, составленных самим Линднером; и, наконец, оценка его как психиатра – на мнении его коллег по цеху, высказанном в газетных статьях и интервью, например в «Плейн дилер» от девятнадцатого августа тысяча девятьсот восьмидесятого года.

В третьей статье из серии «И снова о госпитале в Лиме» газета цитирует начальника Департамента психиатрии Тимоти Б. Моритца, который признает, что жалобы многих пациентов на отсутствие адекватной психотерапии в Лиме, вероятно, обоснованны, поскольку ввиду удаленности больницы в ней не хватает квалифицированных кадров...

Более того, он [Моритц] признал, что отдельные сотрудники не обладают желаемой квалификацией. Например, клинический директор Льюис Линднер – терапевт, а не сертифицированный психиатр.

В ответ на вопрос, почему же его назначили на эту должность, Моритц сказал, что Линднер неплохой врач. «Тут или Линднер, или вообще никто. У нас нет выбора»...

Зарплата, выделяемая штатом, по словам Моритца, не позволяет ему привлечь высококлассных специалистов. Так, посетовал он, ему запрещено предлагать психиатрам больше пятидесяти пяти тысяч в год, что значительно меньше, чем они могут заработать в других местах.

В результате количество высококвалифицированных сотрудников в Лиме не так велико, как хотелось бы Моритцу. Как следствие, малообученные санитары получают значительную власть...

Большую часть этого периода мне было запрещено общаться с Билли. Ему не разрешалось пользоваться карандашом и бумагой у себя в камере и было позволено писать только под присмотром санитаря. Это для него оказалось очень сложно. В конце концов он нашел способ писать тайком. Записи, которые он переправлял мне по почте с помощью некоторых посетителей, позволили передать в этой книге его мысли, чувства и рассказать о событиях, происходивших в Лиме.

Мнение стороннего наблюдателя основано на прямых цитатах из дневника Мэри. Застенчивая девушка, которая познакомилась с Билли, будучи пациенткой Афинской психиатрической клиники, при любой возможности выбиралась из Афин в Лиму и навещала Билли. Позднее она сняла комнату рядом с больницей и приходила каждый день, фиксируя в дневнике то, что он рассказывал, комментируя его внешность и поведение, а также чувства, которые он у нее вызывал.

Я благодарен ей за разрешение опубликовать отрывки из этого дневника, часто подкрепляющие собственные воспоминания Билли о событиях, которые в противном случае показались бы невероятными.

Интервью с адвокатами, психиатрами, общественными защитниками, детективами и друзьями, чьи судьбы пересеклись с Билли в последние двенадцать лет, послужили материалом, который я попытался превратить в связное повествование. Некоторые факты, которые в «Таинственной истории Билли Миллигана» упоминались вскользь, в данной книге рассматриваются подробно.

И если следующие двенадцать лет истории Билли Миллигана производят впечатление эмоциональных американских горок, то только потому, что именно так он их и прожил.

Дэниел Киз

октябрь 1993 г., Флорида

Часть первая

Безумие

Глава первая

Покидая Пятно

1

Автозак, перевозивший Билли Миллигана в Лиму, въехал в ворота, увенчанные спиралями колючей ленты, миновал наблюдательные вышки с вооруженной охраной и остановился у двери приемного отделения.

Два помощника шерифа бесцеремонно вытолкнули пациента-заключенного из машины и повели по коридорам старого здания с серыми стенами и окнами в три с половиной метра высотой. Они тянули его за наручники, стуча каблуками по блестящему линолеуму. Над дверью кабинета в конце коридора висела надпись: «Приемный покой. Блок 22».

В кабинете друг напротив друга располагались два захламленных стола. Огромная рыжеволосая веснушчатая женщина наблюдала, как помощник шерифа возится с ключом от наручников.

– Документы, – произнесла она.

Второй помощник протянул ей папку.

дэнни силился понять, где он и почему. Кисти занемели, запястья пощипывали. Он понял, что руки у него связаны за спиной. Кто-то снимал наручники.

– Мистер Миллиган, – начала женщина, не глядя ему в глаза, – встаньте, пожалуйста, на пятно.

От этих слов у него продрал мороз по коже. Откуда она знает про Пятно? Написали в бумагах?

Помощник шерифа справа схватил его за волосы и скованные руки и толкнул на три шага влево.

– Хитрожопый уебыш, – прорычал он. – Умудрился снять наручники в фургоне.

Вот, значит, почему свирепствует охрана и туго затянуты наручники, сообразил дэнни, – томми во время поездки встал на Пятно и освободился. Рыжая наморщила нос, как будто учуяладохлого скуснса.

– Мистер Миллиган, – повторила она, указывая на пол, – если не хотите неприятностей, учитесь делать, что вам говорят.

дэнни посмотрел вниз, заметил красный круг и облегченно вздохнул. Значит, речь не о «Пятне сознания», как его называл артур, а всего-навсего о пятне краски на старом грязном полу.

– Выньте все из карманов! – приказала женщина.

Он вывернул их, показывая, что там пусто.

Помощник шерифа за спиной произнес:

– В смотровую, срань! Раздевайся догола.

дэнни вступил в следующий кабинет и стянул через голову рубашку.

Вошедший санитар рявкнул:

– Поднял руки! Рот открой! Убери волосы за уши! Повернулся и руки на стену!

Повинуясь приказаниям, дэнни гадал, будет ли санитар похлопывать его по телу, как при обыске. Я не дамся. Не позволю никакому мужику себя лапать. Уйду с Пятна и вызову на подмогу рейджена.

– Покажи ступни. Наклонись. Раздвинь жопу.

Этот человек что, получает удовольствие от издевательства надо мной?

Санитар проверил его одежду, швырнул ее в корзину для белья и протянул темно-синие штаны и рубаху:

– В душ, выродок!

дэнни поскользнулся на мокром полу. Пытаясь открыть тяжелую железную дверь с заклепками, ушиб большой палец на ноге. В душе из противоположной стены торчала ржавая труба. Из нее текла вода. Он встал под струю и отпрыгнул. Холодная!

Несколько секунд спустя вода автоматически выключилась и одновременно вошел коротышка в белом халате и резиновых перчатках. Он направил на дэнни баллончик с жидкостью от волосяных и лобковых вшей, как если бы красил статую. Глаза дэнни щипали, он закашлялся от окутавшего его вонючего едкого пара. Закончив дезинфекцию, мужчина кинул на пол бумажный пакет и, не говоря ни слова, вышел.

В пакете оказались зубная щетка, паста, расческа и баночка для мочи на анализ. дэнни вытерся, надел синие штаны с рубашкой и, зажав в руке пакет, проследовал за новым санитаром по коридору, через решетчатую дверь, и дальше в крохотную комнату. Там он закрыл глаза и сошел с Пятна...

2

томми проснулся на странной койке в маленьком, смахивающем на камеру помещении. «Как случилось, что волосы у него мокрые, а во рту пересохло? Где я? – молча спросил он. – Как я сюда попал?»

Он вскочил и прислушался в ожидании ответа на свои мысли, но никто не ответил. Что-то не так. томми мог общаться с артуром и алленом с того самого времени, как доктор Кол сделал их сосознающими. Но сейчас в трубке молчали. Ни единого гудка. Совершенно ничего. Его разъединили.

Какого черта! томми весь трясся. Он знал, что надо найти воду, смочить запекшиеся губы и утолить жажду. А затем обследовать это странное место на предмет побега.

томми выглянул из комнаты и зажмурился от яркого света ламп. В длинный коридор выходило много таких же, как у него, комнат. В левом конце виднелась металлическая решетка. Он повернулся вправо и понял, что его коридор – один из нескольких, которые, как спицы колеса от ступицы, расходились во все стороны от огромного центрального зала.

Посередине, вокруг стола, околачивались санитары.

Коридор прямо напротив стола был отделен железной решеткой и дверью. томми мысленно отметил, что он, видимо, соединяет отделение с остальной больницей.

В дальнем конце зала на стульях и столах сидели несколько человек. Другие шаркали вокруг. Какой-то дядька разговаривал сам с собой. Вдалеке кто-то наклонился над фонтанчиком с питьевой водой. За пьющим вдоль стены

выстроилась очередь. Хотя томми терпеть не мог очереди, он все-таки опасливо подошел и встал последним.

Наконец пациент перед ним наклонился, чтобы попить. томми заметил, что струя бьет ему в лицо, мимо рта. Несмотря на жалость к этому зомби, он невольно улыбнулся.

Внезапно из полутемного коридора с яростным криком выбежал худой мужик. Сжав кулаки, он кинулся к фонтану.

томми отпрыгнул, а пьющий перед ним никак не отреагировал, все еще ловя губами струю. Разъяренный бегун с размаху ударил зомби кулаком промеж лопаток. Голова того резко дернулась вниз, и глаз оказался наколотым на острие фонтана. Когда он выпрямился, на месте глаза зияла окровавленная дыра.

Шатаясь и едва сдерживая тошноту, томми вернулся в комнату. Сел на кровать и скрутил простынь, придумывая, как бы повеситься. Если он не сможет вернуться в Афинскую психиатрическую клинику к доктору Колу, он здесь не выживет.

томми лег навзничь, закрыл глаза и покинул Пятно, желая поскорее забыться сном...

3

– Миллиган!

кевин резко проснулся и – ко всему готовый – встал и направился к двери.

– Миллиган! В круг!

По опыту других психбольниц и тюрем кевин знал, что «круг» – невидимо очерченная территория общего зала метра три с половиной диаметром, в центре которой находится стол старшего по отделению. Приближались к этой зоне с

опаской. Заходить в нее без разрешения запрещалось, и, если не хочешь побоев, надо было вести себя крайне раболепно. Кевин остановился в круге на почтительном расстоянии от стола.

Дежурный, не глядя, указал на дверь, которую охранял лысый санитар. Тот произнес:

– К стене, Миллиган. Сейчас пойдешь к доктору.

Только не я, подумал Кевин. Я с мозгоправами не разговариваю. Выходя из круга, он одновременно сошел с Пятна.

Ли, который ждал в полумраке за кулисами, гадал, с чего вдруг ему разрешили выйти. Артур давным-давно запретил ему доминировать в сознании, поскольку его опасное паясничанье частенько приводило их всех в карцер. Как Кевину и другим, кого Артур именовал «нежелательными», Ли запрещалось выходить на свет еще с их тюремных деньков в Лебаноне, Огайо. Тот факт, что его выпустили, означал, что вокруг опасно и Пятно контролирует рейджен. Ли осмотрелся и решил, что они в госпитале тюремного типа. Вполне логично, что руководит парадом Хранитель ненависти.

– Миллиган! Ты следующий!

Кабинет врача украшали мягкий ковер цвета молочного шоколада и стулья с дерматиновой обивкой. Человек за столом посмотрел на Ли поверх дымчатых очков:

– Мистер Миллиган, я доктор Линднер, клинический директор госпиталя для душевнобольных преступников города Лима. Я читал вашу медицинскую карту и газеты и сразу вам скажу: в ваши множественные личности я не верю.

Так вот, значит, куда нас занесло. Дурка в Лиме! Та самая, от которой их пытались уберечь адвокаты.

Ли всматривался в острые черты доктора, его тоненькую вандейковскую бородку, близко посаженные глаза и намечающиеся залысины. Волосы были

зачесаны назад и опускались поверх воротника белой рубахи. На нем был темно-синий галстук, приколотый потертой булавкой в виде международного символа разоружения, какие пользовались популярностью в шестидесятые.

Сосредоточившись на голосе, выражении лица и других характерных чертах доктора, чтобы впоследствии его пародировать, ли почти не слушал... Кажется, Линднер говорил, что жизнь здесь – как бейсбол. Игрок может получить максимум три страйка – правда, после третьего он не выбывает из игры, а оказывается на лопатках, что значит, его привязывают ремнями к кровати в Изе. «Иза» означало изолятор.

«Передразнить ничего не стоит», – подумал ли.

Зазвонил телефон, и доктор Линднер снял трубку:

– Да, он как раз у меня в кабинете.

Он помолчал несколько секунд.

– Постараюсь помочь.

Линднер повесил трубку. Выражение его лица и голос неожиданно смягчились.

– Ну, мистер Миллиган, вы, вероятно, поняли, что речь шла о вас.

ли кивнул.

– С вами хотят побеседовать два джентльмена.

– Опять психиатры?

– Нет, но их интересует ваш случай. Они приехали из самого Дейтона.

ли догадался, что речь о репортерах. Что они только ни делали, чтобы заполучить контракт на написание книги о Билли Миллигане. Когда Билли и Учитель им отказали, выбрав другого автора, журналисты принялись строчить о

нем злобные статьи. ли расхохотался.

Передразнивая выражение лица и голос Линднера, он произнес:

– Скажите им, чтобы шли в жопу!

Затем повернулся и сошел с ярко освещенной сцены. Направо, опять за кулисы.

4

Пятнадцать минут спустя дэнни вышел из своей камеры в общий зал, где было светлее, чтобы почитать журнал про разведение кроликов. Он обожал кроликов... Как бы хотелось сейчас погладить пушистого милашку! дэнни перевернул страницу и отшвырнул журнал, точно обжегшись, – на иллюстрациях наглядно показывалось, как их свежевать и потрошить.

Статья его обдурила.

На глаза навернулись слезы. Он вспомнил, что сделал с крольчонком отчим Чалмер. Он ясно помнил тот день. Ему тогда почти исполнилось девять. Папа Чал повез Билли на ферму, чтобы помочь с косьбой...

Билли наблюдал, как большой кролик показался из норы и ускакал прочь. Мальчик осторожно подошел и увидел серо-коричневого крольчонка. Опасаясь, как бы тракторная косилка Чалмера не задела малыша, Билли поднял его и спрятал в футболку.

– Придется найти тебе новый домик, потому что ты теперь совсем один, а детдомов для кроликов не бывает. Я не могу взять тебя с собой, потому что папа Чал не разрешит. Отнесу тебя обратно в поле, и ты найдешь маму.

Вдалеке засигналили. Билли знал, что это значит: надо принести Чалмеру пиво – и поскорее. Он бегом бросился к машине, достал из охладителя банку и

помчался через двор к трактору, на котором сидел Чалмер. Протянул ему пиво.

Чалмер щелчком открыл банку и свирепо зыркнул на пасынка:

– Что там у тебя?

– Зайка. У него нет мамы с папой. Вот бы взять его к нам домой. Я бы за ним ухаживал, пока не найду, кому его отдать. Или пока он не подрастет и не сможет жить сам.

Чалмер фыркнул:

– Дай-ка глянем.

Билли показал крольчонка.

Чалмер ухмыльнулся:

– Прежде чем тащить в дом, давай я сперва его почищу. Неси к гаражу.

Билли не верил своим ушам. Чалмер разговаривал с ним по-доброму.

– За кроликами нужен особый уход, – продолжал Чалмер, – у них зараза всякая, блохи. Мать нас с тобой за него отчихвостит. Погоди...

Чалмер скрылся в гараже. Когда вернулся, в руках у него была канистра с бензином.

– Дай-ка...

Он схватил кролика за шкурку и облил бензином. В нос ударил едкий запах.

– Что ты делаешь? – испугался дэнни.

Чалмер быстро вытащил зажигалку, поджег кролика и бросил. Билли истошно закричал, глядя, как зверек скачет и вертится, натываясь на стену и оставляя

огненный след.

– Что, маменькин сынок, нравится? – загоготал Чалмер. – Жаркое из твоего зайки!

Билли кричал. Это он виноват. Оставь он малыша в норе, тот был бы жив.

Чалмер стал бить его кулаком в лицо. Крики перешли в сдавленное всхлипывание.

В общем зале двадцать второго блока дэнни вытер слезы и с отвращением отпихнул ногой журнал. Обхватив колени руками, он смотрел на людей вокруг.

Гадал, придет ли Мэри. Она ему нравилась, потому что была такой же, как он, застенчивой и испуганной, тихо сидела рядом и брала его за руку, когда ему было страшно. Затем он обычно терял Пятно, потому что томми она тоже нравилась, и тот выходил в сознание и говорил ей, что, хотя она пациентка, бояться ей нечего, так как она очень умная, и пусть приходит почаще.

Но Мэри рядом не было.

Дверь смотровой открылась, из нее вышел пациент со сжатыми кулаками. Он направился прямо к дэнни, со всей силы ударил его по лицу и убежал. дэнни лежал на полу, слезы жгли глаза.

Почему никто не остановил этого сумасшедшего, не пришел на помощь? Странно, что тот псих вышел от доктора и безо всякой причины на него кинулся. Санитары загоготали. Один крикнул:

– Первый страйк, мистер Миллиган!

дэнни этого уже не слышал – на Пятно, чтобы принять на себя боль, встал дэвид. А потом вышел джейсон. Он кричал и кричал, пока санитары его не увели, хотя он тоже ничего не понимал.

Один Учитель, молча наблюдавший из глубин сознания, знал ответы на все эти «почему». Он знал, что этот первый день в госпитале для душевнобольных преступников – только цветочки.

Глава вторая

«Мэри, Мэри...»

Узнав, что Билли переводят из Афин в Лиму, Мэри была ошеломлена. Миниатюрная молодая женщина – бледная и непримечательная, с коротко стриженными черными волосами – подолгу разговаривала с ним в клинике, и ее изначальное любопытство постепенно переросло в живой интерес и искреннее участие.

Когда она услышала эту новость от сестер и других пациентов, то хотела выйти из комнаты и попрощаться с ним. Но остановилась в нерешительности, словно пытаясь опять спрятаться в себя. Затем все-таки вышла в фойе и села на диван. Ноги сжаты, руки на коленях, темные глаза глядят на дверь сквозь толстые очки.

Она вспомнила, как впервые услышала голос Билли еще до того, как его увидеть. Это произошло через несколько часов после ее поступления в Афинскую психиатрическую клинику с диагнозом депрессия. Она была крайне застенчива и большую часть времени проводила у себя в комнате. Однажды вечером она услышала за дверью, как он рассказывал медсестре об ужасных вещах, которые проделывал с ним отчим Чалмер Миллиган: как насиловал и закапывал живьем.

Слышать это было и дико, и интересно. Ей стало жаль молодого человека. Она не хотела выходить из комнаты и потому просто сидела и тайком слушала эти шокирующие рассказы.

Потом сообразила, что накануне уже слышала его голос по радио. В программе «С учетом обстоятельств», где речь шла о диссоциативном расстройстве идентичности, включили запись его речи, где он говорил о своем желании

искоренить жестокое обращение с детьми. Она тогда подумала, что говорит он великолепно.

На следующий день он подошел к ней в общем зале. Сказал, что слышал про ее увлечение книгами и хочет узнать, какие авторы ей нравятся.

Он сразу же произвел на нее впечатление. Было чувство, что он сейчас на подъеме, что после очень черной полосы наконец встает на ноги. Большинство пациентов в клинике были очень больны. Она и сама впала в более тяжелую депрессию, чем когда-либо. А Билли казался таким бодрым, говорил о том, что собирается делать, когда вылечится, и о том, что делает уже сейчас, чтобы бороться с жестоким обращением с детьми.

Тогда она не понимала, что происходит, а теперь знала – он ее выбрал, решил специально уделять ей время. Все пытался добиться, чтобы она сказала ему «привет». Она же первые несколько недель просто молча наблюдала и слушала. Ее влекло к нему, и от этого становилось страшно.

Она видела, что Билли не может сидеть сложа руки, пока психиатры и соцработники топчутся на месте. Он сказал, что хочет помочь ей и другим пациентам.

Учил, что нужно говорить о своих чувствах. Рассказывал, что научился лучше выражать свои мысли, когда попал в клинику Хардинга после ареста. Втолковывал, что, если будешь избегать общения и уходить в себя, не доверяя докторам, они не смогут ничем помочь.

В основном говорил он. Как-то вечером два часа объяснял ей, как выйти из депрессии. Она не соглашалась, считала, что он совсем ее не знает, а судит, но выйти из своей скорлупы и все рассказать так и не смогла.

Тогда он сменил тему и стал внушать ей, что она должна проявить решительность и велеть ему заткнуться. Повторял, что из-за ее застенчивости и замкнутости все ею помыкают.

Что-то из сказанного ее задело, но все равно было жутко интересно. Она знала, что ей свойственно тихо наблюдать за людьми, изучать их и что она вполне чувствует в себе силы сказать «заткнись» – просто не хочет.

В конце концов она произнесла:

– Ну ладно, тогда заткнись.

Он резко вскинул голову и посмотрел на нее несколько уязвленно:

– Ну, знаешь, не обязательно так грубо.

После того случая она начала экспериментировать, разговаривая с людьми, и это привело к еще большей открытости в общении с Билли. Ей очень хотелось разговаривать с ним больше, но не выходило, потому что он ее подавлял. Он был напористый, динамичный, веселый, и она чувствовала, что не может с ним тягаться.

В то же время он казался мягким, понимающим и тихим. Он был ей симпатичен. Раньше она всегда боялась ровесников-парней. И все же он подавлял ее – не физически, а интеллектуально.

Она помнила день, когда в клинике появился Гас Холстон. Оказалось, они с Билли знакомы по колонии для несовершеннолетних в Лебаноне. Она смотрела, как они со знанием дела толкуют о тюрьме. Ей не нравилось, что Билли говорил жестко, по-зэковски и столько знал о жизни преступников. Она предпочитала женственного, мягкого Билли – ей больше импонировал художник, чем уголовник.

Холстон сказал, что сел за кокаин. Билли – что его арестовали, когда ему было семнадцать, потому что рейджен избил и ограбил двух мужиков, которые приставали к нему на стоянке для машин, а еще за ограбление аптеки в Ланкастере. Фармацевт потом сказал, что обознался: «Это не тот паренек, который меня ограбил».

Мэри сочла ужасной несправедливостью, что адвокат убедил семнадцатилетнего душевнобольного юношу пойти на сделку со следствием, признав себя виновным, и в результате получить пятнадцать лет с возможностью досрочного освобождения через два года, хотя во время ограбления его вообще там не было.

Она расстроилась, услышав, что на всех судебных заседаниях присутствовал представитель Управления по условно-досрочному освобождению с готовым ордером на арест – на случай, если Департамент психиатрии его выпустит. Билли сказал, что глава управления Джон Шумейкер только и ждет случая упрятать его обратно за решетку.

Как-то днем Мэри услышала, что Билли разговаривает с другой пациенткой. Желая привлечь внимание, Мэри вышла из своей комнаты и тяжело опустилась в стоящее около двери мягкое кресло. Билли был так поглощен разговором, что вряд ли вообще ее заметил. Потом он сходил к себе и принес блокнот. Мэри поняла, что он ее рисует. Он сказал собеседнице: «Когда я не понимаю человека, то начинаю его рисовать. Иногда не таким, как сейчас, а в молодости, в другом возрасте, – помогает разобраться, какой он на самом деле».

Мэри, подзадоривая его, позировала с нарочито унылым видом. Позже он сказал, что ее лицо, печальный рот с опущенными уголками губ ни разу не поменялись и что это было выражение неприкрытого отчаяния.

Когда полицейские увезли его в Лиму, скованного, точно животное, она подумала, что матерый преступник внутри его, возможно, и справится, а вот нежного, мягкого художника они убьют.

В фойе вышел очень расстроенный доктор Кол, и Мэри поняла: то, о чем болтали медсестры, – правда.

Кол остановился рядом, и она прошептала:

– Билли вернется?

Он печально покачал головой. Мэри вскочила и убежала к себе, потому что не хотела, чтобы он видел ее слезы.

Через несколько минут она вытерла глаза и принялась смотреть в окно. Она гадала, разрешили ли ему взять с собой рисунки, потому что вдруг вспомнила, что так и не увидела своего портрета...

Глава третья

Сумятица

1

Словом «сумятица» артур называл хаос, творящийся в сознании в те периоды, когда ни он, ни рейджен не контролировали Пятно. Народ внутри входил и сходил с него без спроса, и нежелательные пользовались душевной неразберихой, чтобы захватить тело – часто с катастрофическими последствиями.

Именно во время такой сумятицы адалана прогнала по своему желанию рейджена с Пятна на университетской парковке и с помощью его пистолета похитила молодую студентку факультета оптометрии. адалана со слезами призналась в этом психологу Дороти Тернер, когда они обе сидели на полу в переговорной клиники Хардинга. Для нее это был способ почувствовать любовь. Она добавила, что мальчишки внутри ее не понимают. Она не сознавала, что сделанное ею трижды за те две недели – хотя и между двумя женщинами – было преступлением, которое называется изнасилование.

адалана смотрела и слушала из теней, как доктор Хардинг помогает мужчинам достичь сосознания, и в конце концов поняла, что должна признать свою вину за ужасные вещи, которые сделала с теми девушками.

Теперь, почуяв сумятицу в Лиме, адалана выглянула наружу, но ее затошнило от вони унитаза. Она отступила в тень и слушала, что говорили остальные, но в основном они несли какую-то чушь. Только рейджен, завидев ее внутренним взором, обозвал ее сукой и сказал, что, будь его воля, он бы ее убил.

Она крикнула, что прежде сама себя убьет.

артур попытался пробиться к ней, но, поскольку доминировал рейджен, все механизмы психической регуляции вышли из строя. артур чувствовал себя авиадиспетчером, который пытается предотвратить столкновение воздушных

судов при погасшем экране радара, зная, что все внутри спятили и летят наугад.

Потом на Пятно вышел дэвид и стал биться головой о стену, а малышка кристин заплакала. Только дети – особенно кристин – были способны погасить ярость рейджена. Он согласился, что сумятица опасна для детей, которые могут случайно вывалиться на Пятно и подвергнуть себя опасности. Он объявил, что хотя в этой больнице-тюрьме опасно и он не отказывается от власти полностью, но готов делегировать роль инспектора манежа в этом чокнутом цирке артуру, который сейчас выберет наиболее подходящую личность, чтобы разведать обстановку.

артур тут же вызвал на Пятно аллена.

аллен лежал неподвижно, боясь, что, если пошевелится, его тело расколется надвое, как сухое печенье. От антипсихотического стелазина, одного из прописанных ему транквилизаторов, пересохло во рту и запеклись губы. Ему казалось, что кровать вращается с бешеной силой. Чтобы не слететь, пришлось ухватиться руками за непромокаемый матрас.

От короткого шерстяного одеяла, прикрывающего голую грудь, волосы на теле встали дыбом. Кожа зудела, но он не смел почесаться. Самое печальное, думал он, что надо исследовать обстановку, даже если глаза придется разлеплять силой. Из-за сумятицы он не смог ни с кем предварительно переговорить и теперь понятия не имел, где он и почему.

Терпеть неизвестность становилось невмоготу.

аллен зевнул, потянулся и наконец потер обеими руками лицо, чтобы выйти из оцепенения. Оглядел комнату. Натертые до блеска светло-коричневые кирпичные стены все равно казались грязными. Одна бугристая кровать. Один унитаз, на котором восседал таракан. Один ржавый шкаф с ящиками без ручек. Одно поцарапанное металлическое зеркало на стене. У аллена внутри все горело. Будь сейчас под рукой барабаны, он с их помощью снял бы тревогу.

аллен забарабанил пальцами по шкафу.

Тишину вспороли громкий металлический скрежет и звяканье ключей. У него по коже побежали мурашки – ключи охранника.

Черт, это не больничная палата. Это тюремная камера!

У него перехватило дыхание. Трясаясь, он вытер холодной влажной рукой слезы испуга, чтобы никто не заметил, и свирепо уставился на дверь.

Вошел непотребно жирный санитар. Он недобро зыркнул на аллена и хрюкнул:

– Подъем, Сибилла! Жрачка!

Покачиваясь на нетвердых ногах, аллен вгляделся в поцарапанное металлическое зеркало и чуть не прыснул при виде своего отражения. Дрожь в теле утихла. Ощущение новизны, когда непонятно, куда ты попал, случилось с ним десятки раз, так отчего он всякий раз трусит? Собственный нелепый вид, мокрые бороздки слез на щеках подняли ему настроение. Точно он вновь услышал, как юморист Джонни Моррисон, родной отец Билли, выдает на сцене в Майами очередную уморительную остроту.

Перед тем как покончить с собой, Джонни написал в прощальном письме: «И под занавес – последняя шутка. «Мама, кто такие черти?» – «Заправь хвост в штаны и не задавай глупых вопросов».

Барабанная дробь!

– Жрачка, болваны! В очередь!

Кто-то проорал в ответ:

– Иди на хер, Огги!

За дверью слышалось шарканье ног. аллен выглянул в коричневый коридор. Потоки пациентов стекались из коридоров в центральный зал и дальше, к решетчатой двери. Он встал в конец очереди. Вспомнив, как отчим Билли Чалмер командовал «Зенки опусти!», аллен уставился в пол. Он сыграет роль, как профи. Никто ему ничего не говорит, значит, он все делает правильно.

Если не встречаться ни с кем глазами, останешься на безопасной дистанции. Никто с ним не заговорит и не станет задираться. Никого не надо узнавать, никого не надо запоминать.

– Все к корыту! – крикнул лысый санитар.

– Да, сэр, мистер Флик, – отозвался кто-то из пациентов.

Подтянулись отставшие, вдоль стен выстроилась шеренга пациентов.

– Блок «А»! Шагом марш!

Пока все шло нормально.

аллен смотрел под ноги. Людская цепочка, точно гигантская многоножка, потянулась по залу и вниз по лестнице в трехсотметровый туннель. Оказавшись в нем, он наконец огляделся. Пациенты придвинулись плотнее друг к другу. Вдоль коридора тянулись паровые и газовые трубы. От громких взрывов пара и скрежета металла у аллена зазвенело в ушах. Он подумал, что в туннеле небезопасно. Если лопнет под давлением какая-нибудь труба, их всех ошпарит и граффити на стенах станет их Последним Заветом и свидетельством бесславной смерти. Похлопывая ладонями по бедрам, он шагал под звучащий внутри похоронный марш.

Когда они заполнили столовую, в голове аллена слышались вопросы. Что это за отделение? Почему он здесь? Знают ли тут, кто он? Язвительное замечание насчет Сибиллы наводит на мысль, что да. Надо изо всех сил оставаться в сознании. Нельзя позволить страху себя усыпить. Необходимо выйти на связь с артуром, рейдженем и остальными, чтобы понять, зачем его вызвали на Пятно. За сумятицей, как правило, следовал внутренний взрыв, и аллен чувствовал, что дело идет к войне.

Он знал, что засохший горошек, холодная картошка и липкие макароны не удержатся в его изнервничавшемся желудке, и потому поел одного хлеба с маслом, запивая его сладким напитком из концентрата.

По пути обратно в отделение он внезапно понял, что не знает, в какой он камере. Идиот! Как можно было не посмотреть номер! О господи! Теперь он себя выдаст, и остальные станут называть его психом и издеваться!

Он брел по коридору, проверяя карманы в надежде обнаружить какую-то зацепку. Ничего, кроме полупустой пачки сигарет. Вошел в тускло освещенный центральный зал, где выстроились ряды скамеек и деревянных стульев с вертикальными плашками спинок. Осмотрелся. Под потолком переплелись шипящие трубы парового отопления. Как и везде, стены были выкрашены в светло-коричневый цвет, грязные окна метр на полтора закрывали толстая сетка и решетка. На полу лежал грязно-белый и серый кафель с почерневшими контурами. В углу располагалась маленькая кабина-клетка из металлической сетки, отделявшая санитаров от пациентов, – пост охраны, защищающий от нападения.

аллен примостился на краю скамьи и уткнулся лбом в ладони, украдкой вытирая пот. Черт, как ему теперь найти свою камеру?

– Привет! Ты чего?

Вздрогнув от неожиданности, аллен поднял глаза на худощавого бородатого мужчину с темными глазами, но ничего не ответил.

– Ты тот чувак из телевизора, у которого много личностей?

аллен кивнул, не зная, что сказать.

– Я твой сосед, из сорок шестой. – Незнакомец уселся рядом.

аллен мысленно выжег в мозгу номера сорок пять и сорок семь.

– Я видел твои картины в журналах и по телику. Пейзажи и натюрморты ну очень круты! Я тоже немного пишу, но до тебя далеко. Дашь пару советов? В смысле, когда у тебя будет время...

аллен молча улыбнулся при мысли о «времени». Потом, поскольку секунды шли, а собеседник смотрел на него в упор в ожидании какой-то реакции, с трудом

выдавил:

– Конечно, только я пишу портреты.

Мужчина улыбнулся, на сей раз теплее.

– Слушай, расслабься. Ты к этому гадюшнику скоро привыкнешь. Насчет жирного Огги особо не парься, а вот от того лысого, мистера Флика, держись подальше. Он ползает на брюхе перед старшим по отделению. Я здесь три года, а постарел только на десять. Меня зовут Джоуи Мейсон.

Уходя, он повернулся и подмигнул, сделав через плечо жест, который можно было истолковать как «не парься».

Затушив сигарету, аллен отправился искать свою камеру. В сорок седьмой была куча незнакомых вещей, поэтому он заглянул в сорок пятую и, как и ожидал, увидел фотографии матери Билли, его сестры Кэти и брата Джима, приклеенные скотчем к шкафчику.

Он достал несколько личных вещей из бумажного пакета, засунутого между шкафчиком и унитазом. Расправляя скомканные письма, адресованные Уильяму С. Миллигану, блок 22, он вдруг догадался, что сюда его перевели недавно. Он не мог долго находиться в блоке «А», раз Джоуи Мейсон только-только ему представился. аллен почувствовал себя лучше – никто не предполагает, что он тут кого-то должен знать.

В дверь резко постучали. аллен нерешительно открыл и в ужасе отшатнулся при виде двухметрового Голиафа, который заполнил собой дверной проем. Весил незнакомец килограммов сто двадцать, если не больше. Свирепое чудище с огромными руками. Расплющит одним махом.

В одной руке чудище держало пластиковую бутылку из-под молока, в которую был налит чай со льдом, другую протягивало для рукопожатия:

– Здорово! Я Гейб.

– Билли, – ответил аллен, и его рука потонула в огромной лапище.

Голос Гейба показался ему знакомым. Ну конечно, только такой великан мог во время обеда безнаказанно крикнуть: «Иди на хер, Огги!»

И все-таки Гейб, с редящими рыжими волосами и голубыми глазами – несмотря на небритую квадратную челюсть, скорее Атлант, чем Голиаф, – казался дружелюбным.

– Ты, надеюсь, не пересильный зэк? – продолжил он мягким, сочувственным голосом.

аллен пожал плечами:

– Не знаю.

– Раз не знаешь, значит, нет. А то я уж испугался. У нас в блоке «А» новеньких не было чуть ли не два года. А это верный признак, что нас, переведенных сюда по закону Ашермана, скоро отправят обратно в тюрьмы. – Он вопросительно поглядел на аллена, ожидая подтверждения.

– Я не из тюрьмы, – ответил тот.

Когда великан назвал имя Ашермана, аллен припомнил: Гэри Швейкарт однажды рассказывал про пункт в уголовно-процессуальном кодексе Огайо, который разрешал Управлению исполнения наказаний переводить осужденных за сексуальные преступления прямо из зала суда или тюремных камер в Лиму – вправить мозги. С этой целью часто применялась шоковая терапия, многие пациенты превратились в овощи, а какие-то даже повесились. Но штат аннулировал закон по причине неконституционности, и переведенные в Лиму зэки должны были снова поступить в ведение системы исполнения наказаний, хотя Департамент психиатрии и тянул кота за хвост.

– Тогда что ты делаешь в Лиме? – осведомился Гейб.

– Невиновен по причине невменяемости, – ответил аллен. – Перевели из гражданской клиники. Происки политиков.

Гейб кивнул и отхлебнул из пластиковой бутылки.

– Все пьют из стаканов, но для меня там – на один глоток. Хочешь?

аллен ухмыльнулся и отрицательно покачал головой.

Тут за спиной доброго великана раздался высокий голосок:

– Эй ты, лось, всю дверь загородил!

Из-под руки Гейба протиснулся коротышка.

– Привет...

– Этот гаврик – Бобби Стил, – представил Гейб.

Бобби был столь же маленьким, сколь Гейб – огромным. Как мышь, с карими глазками и кучерявой шевелюрой. Ровные зубы, если не считать выступающих, точно змеиные клыки, резцов.

– Ты откуда? – поинтересовался Бобби.

– Из Колумбуса.

– И мой друг Ричард оттуда. Знаешь Ричарда Кейса?

аллен помотал головой.

Гейб развернул Бобби лицом к двери:

– Дай мистеру Миллигану очухаться. Он никуда не денется.

Гейб взглянул на аллена и понимающе улыбнулся:

– Нам, тридцати пяти социопатам блока «А», нянька не нужна. Мы ж не хроники из двадцать второго.

Оба ушли. аллен сидел на кровати и размышлял о странной парочке. Они производили впечатление людей довольно дружелюбных и, как Мейсон, художник из соседней камеры, обрадовались его появлению и приняли в свою компанию. Уровень умственного развития в блоке «А» был явно гораздо выше, чем в двадцать втором. Но, поскольку социопаты считались опасной породой, здесь усилили охрану.

– Я не социопат, – громко произнес аллен, прекрасно понимая, что для властей это слово означает неисправимых, не поддающихся лечению преступников. Термин часто использовали в процессах, где обвинители требовали смертной казни на основании того, что, поскольку у совершившего убийство нет способности испытывать муки совести и сострадание, он не извлечет опыт из пребывания в тюрьме и должен быть казнен, чтобы обезопасить общество.

Доктор Кол однажды объяснил, что хотя Билли душевно болен, но, в отличие от социопатов, обладает совестью и эмпатией.

Поэтому ему здесь совсем не место.

Либо томми, либо ему самому придется найти способ, как сбежать.

аллен лег навзничь и скинул ботинки. Может, если смотреть в потолок, получится расслабиться и мысли прояснятся. Но за дверью слишком шумели: голоса, скрип мебели, шарканье ног. Слова сливались в низкий гул, как в раздевалке после окончания важного матча. Он выбивал пальцами дробь на поручне кровати.

Звяканье ключей известило о том, что по коридору идет санитар, и аллен перестал барабанить. Металлические звуки усилились, гомон людского потока пошел на спад. Когда ключи затихли у его двери, аллен понял, что санитар взял их в руки. Он резко сел, чтобы показать, что его не застанешь врасплох, и в этот момент дверь отворилась.

Вошедший был примерно одного с ним роста, под метр восемьдесят, с темными глазами и черными масляными волосами. На лоб свисала прядь. Кремовая рубашка, аккуратно заправленная в мешковатые серые брюки, не скрывала свисающего брюха. И штаны, и начищенные черные ботинки напоминали полицейскую форму. На вид ему было лет сорок.

– Миллиган, – произнес мужчина, – меня зовут Сэм Рузоли. Для тебя – мистер Рузоли. Я знаю, кто ты и что о тебе говорят. Жизнь здесь может быть для тебя или простой, или неприятной. Надо делать, что я говорю. Уяснил?

Грозный голос Рузоли стал ниже. Этот голос затронул что-то отвратительное и болезненное из прошлого. Аллен постарался взять себя в руки, чтобы в глазах не отразился страх.

– Я старший по отделению и руковожу им так, как считаю нужным. Будешь сотрудничать со мной и санитарями – я не стану закручивать гайки. – Рузоли пугающе улыбнулся. – Тебе же не понравится, если я стану их закручивать.

Это был не вопрос.

Рузоли уже двинулся к выходу, но остановился, постучал по табличке на груди и произнес:

– Имя не забудь.

Когда старший по отделению ушел, Аллен повернулся и стал смотреть сквозь прутья решетки на сумрак за окном. Его угнетала мысль, что он оказался во власти этого социопатичного десантника. Он вспомнил предостережение доктора Хардинга: «Насилие порождает насилие». А как еще можно себя защитить?

Если подставить другую щеку, схлопочешь, пожалуй, перелом челюсти. О сне не могло быть и речи – на Пятно прорвется рейджен, а если он получит контроль над сознанием, то – как предупреждал его доктор Дэвид Кол всего несколько дней назад, перед отъездом из Афинской психиатрической клиники, – неприятностей не оберешься. Кол объяснил, что представляют собой его множественные личности, и сказал, что диссоциация ради выживания все время ставит его в опасное положение. Но его увезли из Афин до того, как низенький круглый доктор смог окончательно сплавить их воедино и обучить новым механизмам выживания. Как будто он играл на барабанах или писал портрет и ему вдруг обрубили руки. Ну почему ему не дали поправиться, прежде чем упечь сюда? Он постарается не забыть о том, чему учили Хардинг и Кол, но, может быть, уже поздно.

– Ненавижу сумятицу, артур, – прошептал он вслух. – Мозг – как дешевая овощерезка. Мне надо уйти, артур. Слышишь? Мне надо уйти. Я здесь слишком долго, и мне плохо, очень плохо. С меня хватит. Пусть на Пятно станет кто-то еще.

Земля милостиво разверзлась, и аллен с облегчением полетел в пустоту.

2

Только из-за сумятицы основной Билли, или Билли-О, смог случайно оказаться на Пятне.

Когда доктор Корнелия Уилбур – психиатр, лечившая от диссоциативного расстройства идентичности знаменитую Сибиллу, – пробудила его во франклинской окружной тюрьме, она первая рассказала ему, что восемь лет назад, в тысяча девятьсот семидесятом, он попытался покончить с собой, за что остальные его усыпили и с тех пор держали в состоянии забытья, как Рипа ван Винкля.

Она объяснила, что он и есть настоящий Билли, тот, кого родила его мать. Сердцевина их всех.

Поверить было трудно. Он думал, что психиатры сами сошли с ума.

После того первого пробуждения ему, в терапевтических целях, время от времени разрешали вставать на Пятно в клинике Хардинга, а потом и в Афинах.

Однако с момента перевода в Лиму остальные личности держали его в ментальном коконе, чтобы защитить от опасных парней, пребывающих в этом заведении.

Теперь же Билли-О вышел из комнаты и оглядел странное помещение. Каждый раз, как я просыпаюсь, обязательно попадаю в неприятности. Каждый раз мне говорят, что я сделал что-то плохое.

Хотелось увидеть Мэри. Она сообщила, что доктор Кол ее выписывает. Если бы только она приехала к нему в Лиму и развеяла эти неприятные мысли...

Послышалось бряцанье ключей. Он обернулся и увидел в коридоре двух санитаров. Тот, что покороче, сказал длинному:

– Смотри, Карл, это он.

– Пстой на стреме, – ответил Карл.

Короткий кивнул и встал у двери в общий зал. Карл, из-под бейсболки которого выбивались длинные кучерявые волосы, подошел почти вплотную и оперся рукой о стену. От грязной рубахи разило потом.

Господи, не дай ему меня ударить!

– Миллиган, надо потолковать.

Дыра вместо одного из передних зубов превращала его улыбку в перекошенную ухмылку.

– О чем? – Билли старался не показывать страха.

Улыбка растаяла, сменилась свирепым взглядом и сердитым голосом:

– О твоём здоровье.

Билли-О отпрянул:

– В смысле?

Карл вытащил из заднего кармана отпилоч ручки швабры и ткнул им Билли-О под подбородок, прижимая к стене.

– Такие уроды, как ты, здесь долго не живут. Если хочешь сохранить здоровье, тебе нужен я, Карл Льюис, и страховка от несчастных случаев. – Он опустил

ручку швабры и постучал ею по ладони. – Никогда не знаешь – какой-нибудь шизик подойдет сзади и проломит тебе череп стулом или перережет горло заточкой, потому что ты ему не понравился. Ты не представляешь, на что способны эти долбанутые за шоколадный батончик. Но, если будешь паинькой, я сделаю так, чтобы с тобой этого не случилось.

– К-как?

– Ты грязный насильник, за твою жизнь никто цента не даст. А баксы у тебя водятся, за картины. Так что первый полтинник жду к пятнице. И имей в виду, я не шутки шучу.

Он плюнул на пол, почти на ботинок Билли-О, развернулся и удалился вместе с напарником.

Оставшись один в коридоре, Билли-О сполз на пол – у него подкосились ноги. Хотелось покончить с собой. Так уже было, когда он узнал от врачей, что одна из живущих у него внутри личностей сделала то ужасное с тремя женщинами. Но Мэри сказала: «Живи, Билли. Однажды ты выплатишь свой долг перед обществом. Ты вылечишься и снова будешь целостным и свободным».

А доктор Кол посоветовал: «Играй в их глупые игры, Билли, и продолжай жить во что бы то ни стало».

Как хочется, чтобы появился Учитель.

Как хочется, чтобы пришла Мэри.

– Я не безнадёжен, – прошептал он. – Я не сдамся. Мы еще повоюем.

Глава четвертая

Рука мистера Брэкса

– О-со-ла-мио... Чтоб этой Лиме... О-со-ла-мио... Мама, где ты, покажись...

Перегородки по грудь мало что скрывали в заполненной паром душевой блока «А». В отличие от двадцать второго, где вода хлестала из обрубка, здесь под потолком тянулась через все кабинки одна труба, продырявленная в разных местах, как будто по ней палили из дробовика. Вода неравномерно брызгала по всему помещению, а в трех кабинках била прямой струей.

– Фи-га-ро... Чтоб-ме-ня... Фи-га-ро...

Бобби Стил пел, и курчавые волосы молодого тенора, в данный момент мокрые и зализанные назад, придавали ему еще большее сходство с мышью, чем когда Аллен впервые познакомился с ним и Гейбом. Бобби заткнул сливное отверстие в центре душевой какой-то тряпкой, устроив на полу потоп, и теперь распевал и со смехом шлепал по щиколотку в воде, точно ребенок в луже.

Когда вошел Аллен, Бобби поднял глаза и покраснел, застигнутый врасплох в своей водяной стране чудес.

– А, Билли... Э-э-э... – сконфуженно начал он, – как тебе наш дурдом?

– Бывает лучше, – ответил Аллен, заходя в соседнюю кабинку и намыливаясь.

Румянец Бобби схлынул. Он подошел к перегородке, которая скрывала его по шею.

– Я про тебя читал. Как тебя вообще сюда занесло?

– Долгая и скучная история, – сказал Аллен, понимая, что Бобби просто пытается завязать разговор.

Свесив руки через перегородку, Бобби оперся о нее подбородком.

– Ты был в колонии в Лебаноне?

– Да, – ответил аллен, предвидя следующий вопрос.

– Лучше, чем здесь?

– Намного. Больше занятий, больше свободы. Предпочту два года там одному здесь.

Бобби с облегчением улыбнулся:

– Очень надеюсь. Я здесь тоже по закону Ашермана, меня отправят в Лебанон.

аллен удивился. Бобби не походил на сексуального маньяка или социопата.

– А правда, что там насилуют?

аллен сообразил, что Бобби боится по причине своего малого роста.

– Бывает. Но обычно человек сам себя подставляет. Допустим, он потенциальная мишень, потому что молод и не вышел ростом, но если бы он прислушался к советам...

Бобби вытер мыло с глаз и прищурился:

– Каким?

– Во-первых, ничего ни у кого не брать, если вдруг просто так предложат. Не вестись на дружелюбие, помнить, что за ним – скрытый мотив.

– Не понимаю.

– Ну, скажем, подходит к тебе незнакомый чувак и завязывает разговор. Классный парень. Угощает батончиком или сигаретой. Если возьмешь, то ты ему уже должен – и не конфеты, а услугу – личную, то есть секс. Или если парни, которых ты едва знаешь, предлагают втихаря посмолить косячок, ты, когда

обдолбаешься, обнаружишь, что во рту у тебя не сигарета.

Бобби широко раскрыл глаза.

– Держись подальше от скопления людей. Изнасиловать могут в пяти метрах от охранника, если эки загородят все спинами, чтобы им потом тоже перепало. – аллен вспомнил санитаря, который вымогал у Билли-О полтинник. – И еще... Если тебе предлагают протекцию прямо после того, как кто-то втянул тебя в бессмысленную драку, посылай этого «защитника» на хер. Это подстава. Расплачиваться придется сексом. Со всем остальным разберешься на месте.

Бобби вышел из кабинки с полотенцем вокруг бедер.

– Вот моя протекция, – ухмыльнулся он и вытащил из мыльницы, приклеенной скотчем на боку, голубую зубную щетку.

аллен вздрогнул при виде лезвия, вделанного в пластмассу, и вспомнил, как впервые изготовил в тюрьме заточку. Он называл ее своим «стабилизатором».

Широкая ухмылка на лице Бобби не оставляла сомнений, что его рука не дрогнет. Маленький человечек провел по лезвию языком. Когда он выходил, не спуская взгляда с аллена, в его глазах блеснул странный огонь.

«Что может так преобразить человека? – размышлял аллен, чувствуя, как горячая вода льется на спину, согревая и успокаивая. – То Бобби плещется, как дитя, то минуту спустя превращается в хладнокровного киллера».

Теперь он понимал, почему Бобби перевели сюда по закону Ашермана.

аллен нахмурился. Наверно, таким кажется окружающим и он сам, когда дэвид, дэнни или Билли-О сменяются диким рейдженем.

А что, если и Бобби Стил?..

аллен прогнал эту мысль. Бобби, безусловно, нездоров, но он точно не страдает диссоциативным расстройством.

После завтрака вменяемые расположились тесной компанией, а зомби и интроверты бесцельно слонялись по всему залу. Санитары сидели у стола в центральном круге, хвастаясь, как напились вчера вечером и скольких шлюх трахнули. Жирный Огги и лысый Флик патрулировали два коридора блока «А», а какой-то обкормленный лекарствами шизик скорчился в углу и извергал из себя завтрак.

Старший по отделению Рузоли отправил санитаров в другие части блока, чтобы собрать отдельных пациентов для трудотерапии в мастерской.

Бобби Стил, на голове которого была задом наперед надета синяя бейсболка, закинул ноги на деревянный стол и читал древний журнал. На животе у него покоился транзистор, в уши были воткнуты белые наушники. Он надул и лопнул пузырь из бубль-гума.

Джоуи Мейсон, бородатый художник из сорок пятой камеры, играл с кем-то в шашки.

У аллена в пятый раз не сходилась пасьянс.

Огромный Гейб Миллер лежал на полу, а молодой паренек, еще меньше Бобби, сидел на стуле, поставленном Гейбу над грудью. Гейб с его помощью тренировал жим лежа. Паренька, используемого в качестве штанги, заметно укачало.

– Отпусти Ричарда, – произнес Бобби, – а то начнет блевать.

Гейб аккуратно опустил стул, Ричард соскочил с него, подошел к Бобби и, не говоря ни слова, несколько раз вздохнул.

– Хорошо, – сказал Бобби. – И заодно принеси мне кофе.

Казалось, он отвечает на незаданный Ричардом вопрос.

Ричард улыбнулся и выбежал из зала.

аллен нахмурился. Прямо телепатия какая-то.

– Чего он хотел?

– Газировки.

– А как ты узнал? Он же ничего не сказал.

– И не надо, – улыбнулся Бобби. – Ричард Кейс – жутко неуверенный в себе интроверт. Боится навязываться и боится, что его прогонят. Скоро сам научишься по его лицу понимать, чего он хочет. Но вообще я иногда заставляю его говорить.

– Ага, я заметил, – произнес аллен.

– Ричард помогал Гейбу качаться, и я наградил его за участие. Ему надо больше общаться с людьми.

– Ты ему вроде как старший брат. Думаешь, это хорошо? Тебя скоро отправят в тюрьму, а он останется...

– Знаю, – Бобби печально опустил глаза. – Буду скучать по этому лилипутику. Пригляди за ним, когда я уеду, Билли. Ты, кажется, ему нравишься... Не давай его в обиду.

– Постараюсь, – отозвался аллен, сгребая карты после шестого неудачного расклада.

Ричард напоминал ему молчаливую, замкнутую Мэри. Вспомнилось, как он пытался ее разговорить и вытащить из депрессии. Эх, если бы только она его навестила. Но от Афин до Лимы далеко. Надо ехать на автобусе с несколькими пересадками – убьешь на дорогу целый день. аллен знал, что, если он попросит, она приедет, но ему не хотелось ее напрягать.

Вытащил ее письмо, которое нашел под койкой. Неизвестно, кто первый его вскрыл, но у него на это письмо столько же прав, сколько у всех остальных. Бисерный почерк Мэри воскресил в памяти ее образ – она как будто старалась спрятать свои слова от жестокого мира.

Вынул карандаш, бумагу и написал: «Я скучаю по тебе, Мэри, и хочу увидеть, но знаю, что этому не бывать. Оно, наверно, и к лучшему. Все вокруг поймут, как я к тебе отношусь. И чтобы расквитаться со мной, будут причинять страдания тем, кто мне дорог: тебе, моей сестре и матери, – а я этого допустить не могу».

Едва успел запечатать конверт, как раздался рев жирного Огги:

– Логан! Миллиган! Кейс! Мейсон! Стил! Хопвэлл! Брэксон! Брэдли! В круг!
Дневные лекарства!

Вменяемым давали лекарства в первую очередь. Затем Флик вылавливал зомби и интровертов по одному. Аллен терпеть не мог стелазин и решил, что пора уступить кому-нибудь Пятно, а заодно и лекарство. Он моргнул и...

Томми обнаружил, что медленно подходит к кругу, а за ним плетутся Бобби и Ричард.

– ...ненавижу дерьмо, которым меня пичкают, – ворчал Бобби. – В первый раз у меня распух язык, помутилось в глазах, и я вообще перестал соображать. И эта хрень продолжалась до тех пор, пока не дали когентин, от побочных эффектов. – Бобби похлопал Ричарда по плечу: – А его кормят старым добрым валиумом. Большими таблетками, по десять миллиграммов. Зеленая дрянь.

Вот, значит, что происходит, подумал Томми. Прием лекарств. Ни за что. Он попытался удрать с Пятна, но не смог. Все выходы перекрыты. Никто не хотел глотать эту дрянь. Ну почему он?

Бобби и Ричард вступили вслед за ним в круг, и все трое выстроились в ряд перед сестринским постом.

Пятидесятипятилетняя миссис Грандиг носила очки-капли с блестками вдоль верхнего края. Они предназначались для чтения. Сейчас, вместо того чтобы повесить на цепочке на шее, она сдвинула их на кончик носа. Под охраной двух санитаров, которые стояли по обеим сторонам двери с открывающейся верхней створкой, миссис Грандиг выдавала таблетки и бумажные стаканчики с водой, молча, с крайним отвращением глядя на пациентов. Томми решил, что у нее лицо человека, который только что откусил от сэндвича с дерьмом.

Внезапно худой мужчина лет тридцати пяти завопил:

– Господи, нет! Я больше не могу, миссис Грандиг! Мне от них так плохо! Я не могу двигаться, думать. Я от них с ума схожу!

Из рта у него текли слюни, и Томми подумал, что тому недалеко до зомби, к чему врачи, похоже, и стремились. Мужчина упал на колени, плача, как ребенок. Миссис Грандиг бросила на толстого Огги повелительный взгляд, тот зашел пациенту за спину, заломил ему назад руку и схватил за волосы. Лысый Флик отгородил их от остальных пациентов и уставился с видом «ну, кто еще смелый?».

Миссис Грандиг вышла в зал, оставив дверь позади себя открытой на случай, если надо будет срочно ретироваться.

– Мистер Брэксо, вы можете выпить лекарство по-хорошему или по-плохому. Что выбираете?

Брэксо поднял на нее обведенные темными кругами глаза:

– Миссис Грандиг, разве вы не видите, что оно меня убивает?

– У вас пять секунд на раздумья.

Когда Брэксо медленно протянул руку, Огги отпустил его волосы и поднял за вывернутую руку, чтобы проверить рот.

– Гребаная сука, – тихо пробормотал Бобби, но, когда пришла его очередь, послушно сделал шаг вперед, выпил лекарство и повернулся к Огги.

– Открой рот! – скомандовал толстяк. – Язык высунь!

Ричард Кейс сделал то же самое. томми внимательно смотрел, как он сминает в руке бумажный стаканчик и швыряет его в почти полную зеленую мусорку. Это навело его на мысль. Взяв таблетки, он закинул их в рот, отодвинул языком в сторону и поднес стакан к губам. Глотая воду, затолкнул таблетки обратно в стакан, и тут же смял его, пока Огги проверял ему рот.

Получилось! Один: ноль в мою пользу!

Когда томми, торжествуя, нагнулся к мусорке, сзади откуда ни возьмись появилась рука и схватила его за запястье.

Мистер Рузоли ухмыльнулся и расправил стаканчик.

Черт, попался!

Рузоли ударил его в ухо, потом схватил за волосы и заставил без воды проглотить размякшие таблетки.

Когда томми вышел из круга, бугорки на языке щипали от горечи, а в голове звенело от сокрушительного удара.

Бобби виновато улыбнулся:

– Надо было тебя предупредить. Рузоли с этим трюком хорошо знаком. С ним такое не пройдет, Билли. Он не так глуп, как кажется. Оборотень...

– Это мы еще посмотрим, – отозвался томми. – У меня в запасе несколько приемчиков.

На самом деле никаких идей у томми не было – он просто храбрился.

Придется почистить зубы, чтобы наконец избавиться от горечи лекарства, а то аж язык сводит. томми выдавил на щетку побольше пасты и, огибая зигзагами бесцельно бродящих зомби, направился в умывальню.

От холодной воды десны всегда заходились (у него были чувствительные шестерки), но сделать воду теплой не получалось – шла или ледяная, или кипяток. От плевка горячей воды паста стекла со щетки еще до того, как он поднес ее ко рту. Твердо решив избавиться от ужасного вкуса во рту, он стал чистить зубы без пасты.

Через несколько секунд металлическое зеркало над раковиной запотело, и он вытер его рукавом. В шоке увидел, что в зеркале отражается еще одно лицо. За его спиной стоял мистер Брэкс, со стеклянными глазами, отвисшей небритой челюстью и слюной изо рта. Томми сообразил, что в своем медикаментозном ступоре тщедушный Брэкс его попросту не замечает. Вот что случается после антипсихотиков. Мозг у чувака совершенно выключен. Томми отодвинулся.

Мистер Брэкс, как будто запрограммированный, включил горячий кран и сунул под кипяток правую руку, не моргая и не морщась, как будто начисто утратил чувствительность.

Томми попятился.

– Обваришься!

Брэкс поднес красную руку ко рту и откусил указательный палец. В лицо ему брызнула кровь.

– Помогите! – закричал Томми. – Господи! Скорей!

Брэкс снова впился зубами – на сей раз в костяшку указательного пальца, разрывая жилы. По подбородку у него текла кровь.

Томми почувствовал спазмы, рвота полилась у него изо рта и носа. Он скорчился и рухнул на колени. На пол со стуком упала кость от пальца без кожи. В глазах потемнело...

Он разлепил веки. Ричард молча сочувственно вытирал ему лицо холодной мокрой тряпкой. Бобби отмывал забрызганную кровью стену и раковину. Мистер Брэкс исчез. Бобби рассказал, что Гейб услышал крики и прибежал. Великан отреагировал быстро: сжал запястье Брэкса, точно кровоостанавливающим

жгутом, и поволок на сестринский пост. Не закричи томми, мистер Брэксо, скорее всего, умер бы от потери крови.

В сопровождении Огги и Флика вошел Рузоли. Огляделся и ухмыльнулся:

– Ну, мистер Миллиган, как вам нравится ваш пожизненный приют?

3

Прошло несколько дней. В общем зале стояла тишина. Вдруг, дико выпучив глаза, вбежал маленький Ричард Кейс и стал лихорадочно дергать Бобби за толстовку, заикаясь и что-то бормоча.

Бобби выхватил заточку и вскочил, готовый защитить своего подопечного.

– Успокойся, Ричард, – произнес аллен, – тише...

Не видя в коридоре никакой опасности, Бобби спрятал заточку в носок.

– Что случилось, сынок? Угомонись и объясни.

Ричард все заикался, и аллен в конце концов рявкнул:

– Прекрати!

Ричард замолчал, тяжело дыша от волнения.

– Теперь медленный глубокий вдох. Так... спокойно... теперь говори, что стряслось.

– Д-д-доктор ск-казал, я м-могу вернуться д-домой!

Бобби и аллен с улыбкой переглянулись.

– Отлично, Ричард!

Они хлопнули друг друга открытыми ладонями.

– Когда уезжаешь? – спросил Бобби с отеческой гордостью в голосе.

– Суд ч-через д-две недели, д-доктор Милки с-скажет, что я н-не опасен, и меня выпустят.

Ричард сжал руки и возвел глаза к потолку.

– Спасибо, Господи, – прошептал он. – Теперь с-смогу отдохнуть.

Потом смущенно оглянулся, и его лицо утратило выразительность, как будто он вновь перенесся в свой почти немой мир.

– Это надо отпраздновать, – заявил Бобби. – Принеси-ка газировки и радио из моей комнаты.

Ричард радостно кивнул и бросился выполнять поручение.

– За что он здесь? – поинтересовался аллен. – На вид – совсем теленок.

– Он маменькин сынок, – объяснил Бобби, – любил ее больше жизни. Как-то вечером пришел домой и видит: пьяный папаша валяется в отключке на полу, а рядом – мертвая мать и плотницкий молоток. У него внутри все оборвалось... Отец отправился в тюрьму, а у Ричарда поехала крыша. Думал только о мести. Однажды вошел с пистолетом в небольшой магазин, потребовал всю кассу, а потом сел тут же на тротуаре и стал ждать копов. Бедолага решил, что его пошлют в ту же тюрьму и там он замочит ублюдка. Но следователи разобрались, что к чему, и его маленькая задница оказалась здесь. Ему всего-то девятнадцать...

– А ты?

Взгляд Бобби стал ледяным, и аллен понял, что спросил зря.

– А я здесь потому, что ходил в церковь по воскресеньям...

Показался Ричард с газировкой и радиоприемником. Бобби протянул руку, но Ричард отвел транзистор.

– Ч-что надо сказать?

– Спасибо, Ричард, – терпеливо ответил Бобби.

Ричард просиял и отдал приемник.

– Газировка – для обычных событий, – заявил Бобби, – в честь твоего освобождения я бы предпочел что-нибудь покрепче.

– Можно, если б знать за неделю, – задумчиво произнес аллен.

– В смысле? – спросил Бобби.

– Зимургия.

– Зи-чего?

– Зимургия, брожение.

Бобби смотрел все так же озадаченно.

– Вино сделать, – пояснил аллен. – Самопальное бухло...

Лицо Бобби прояснилось:

– Умеешь?

– Научился в тюрьме в Лебаноне. Но сначала надо придумать, где взять ингредиенты. Дай мне время. Пойду пока принесу печенье, и отпразднуем хорошие новости.

Ричард улыбнулся. Порадовать его было несложно.

Глава пятая

Исчезающее время

1

Вечером того же дня по коридору эхом разнесся голос жирного Огги:

– Миллиган! На сестринский пост!

Когда аллен подошел к кругу, Рузоли указал большим пальцем через плечо на комнату медсестер. аллен вошел в дверь с открывающейся верхней створкой.

Миссис Грандиг держала металлический планшет со списком пациентов. Рядом, за ее столом, восседал толстяк с густыми бровями, которые были так же черны, как его прилизанные волосы, и уплетал длинный сэндвич. По жировым складкам на колыхающийся тройной подбородок стекал майонез.

– Это Фредерик Милки, ваш лечащий врач.

Доктор Милки, оттопырив мизинец, запихнул в рот последний кусок сэндвича и причмокнул. Потом поправил на носу очки с бифокальными линзами в пластмассовой оправе.

– Присаживайтесь, мистер Миллиган, – пробормотал он с полным ртом и указал на деревянный табурет. – Итак, мистер Миллиган, сразу скажу, что я величайший психиатр в США и Европе.

Милки промокнул губы коричневым бумажным полотенцем.

– Не верите? Спросите любого, вам подтвердят.

Он снял очки, начисто вытер стекла десятидолларовой бумажкой и воззрился на папку на столе.

– Ну, мистер Миллиган, что вас к нам привело?.. Ага, вот... – На его лице появилось недоумение. – Преступления совершены в семьдесят седьмом, и с тех пор вы были у Хардинга и в Афинской психиатрической клинике. Почему же, спустя столько времени, вас перевели сюда?

аллен объяснять не собирался – любой человек, у которого есть хоть какие-то мозги, мог прочитать карту и разобраться. Толстяк его раздражал. Спустя почти три недели в Лиме, когда его накачивали стелазинем и амитриптилином почти до состояния мистера Брэкса, величайший в мире психиатр вдруг спрашивает, почему его сюда перевели.

Сначала аллен думал выбрать в разговоре с Милки заискивающий тон, но потом решил, что роль умника позволит быстрее покончить с этой тягомотиной. Что ему терять? Доктор Линднер, клинический директор, наизнанку вывернется, чтобы продержат его здесь до конца жизни.

– Мне в Афинах не понравился сервис, – холодно ответил аллен, – и я потребовал перевода сюда. Дошли слухи, что здесь отличный французский шеф-повар.

Милки хихикнул, колыхнув жиром.

– Ну, мистер Миллиган, не знаю, почему вас перевели, но мне лично чихать на то, что там говорят о ваших множественных личностях. Мне предстоит определить, в здравом ли вы уме и насколько опасны для себя и окружающих.

аллен кивнул.

Улыбка сошла с губ Милки.

– Я задам несколько вопросов. Какое сегодня число?

– Тридцатое октября тысяча девятьсот семьдесят девятого.

– Пять президентов двадцатого века.

– Картер, Форд, Никсон, Кеннеди, Эйзенхауэр.

– А теперь на скорость. Столица Греции?

– Афины, – резко ответил аллен и не менее быстро спросил: – Ваша очередь. Столица Индии?

– Нью-Дели. Я горжусь знанием географии. Столица Кубы?

– Гавана. Я тоже. Канада?

– Оттава, – ответил Милки. – Пакистан?

– Исламабад. Норвегия?

– Осло. Непал?

– Катманду, – сказал аллен.

Еще несколько вопросов, и аллен наконец припер Величайшего Психиатра США и Европы при помощи Замбии.

Зардевшись от проигрыша, толстяк произнес:

– Ну, мистер Миллиган, обследование продолжать нет смысла. Я не вижу никаких признаков психоза или невменяемости. Скажу судье, что вам здесь нечего делать и что вы можете вернуться в Афинскую психиатрическую клинику. С сегодняшнего дня отменяю препараты.

аллен нетерпеливо заерзал на табуретке. У них с Ричардом выдался хороший день, и ему не терпелось поделиться с пареньком новостями. Он выдал:

– Это все?

– При условии, что вы назовете мне столицу Замбии.

– Простите, док, я не знаю, – отозвался аллен, направляясь к двери и ухмыляясь, что ловко провел эскулапа.

– Значит, победили меня моим же оружием, – произнес Милки.

аллен взялся за ручку двери.

– Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– Не хочу портить вам удовольствие, мистер Миллиган, но столица Замбии – Лусака.

аллен вернулся к себе в комнату как в воду опущенный.

И все-таки он был доволен результатом. Его адвокаты будут рады узнать, что? именно собирается написать Милки в отчете.

Он позвонил Алану Голдсберри и попросил обязательно вызвать Милки на слушание третьего ноября. Теперь все под контролем. Он доказал Милки, что знает его мир.

Вот это действительно надо отпраздновать. Пора всерьез задуматься о зимургии...

2

Ломка после отмены стелазина поначалу вызвала у аллена чувство усталости и обессиленности. Пока лекарство выводилось из организма, он не мог спать. А потом, впервые за несколько недель, почувствовал себя живым. Органы чувств стали замечать то, что прежде крал стелазин. Он знал, что три дня идет дождь, но только сегодня утром заметил, как громко дождевые капли барабанят по оконному стеклу.

Пораженный, он вглядывался сквозь сетку и решетку. Дождь его гипнотизировал и умиротворял. Воздух, который просачивался сквозь щели в старой замазке, был как будто чисто вымыт и пах свежестью. Аллен не просто чувствовал себя живым. Впервые после Афин он чувствовал себя самим собой.

Он провел расческой по волосам и вышел из камеры с куском мыла, зубной щеткой и полотенцем, чтобы освежиться перед завтраком. Войдя в умывалку, услышал голос Бобби – тот велел Ричарду помыть за ушами.

– Утречко-то какое! – произнес Аллен.

Бобби передал ему бритву:

– Новая. Побрейся, пока санитары не принялись за зомби. Они одним лезвием пользуются раз двадцать, а то и больше.

– Есть план, – сказал Аллен.

– Побега?

– Нет, как сделать приличную выпивку.

Бобби оглянулся – убедиться, что их не подслушивают.

– Надо чем помочь?

– Во-первых, нужны продукты. Первым делом хлеб. Стырьте побольше за завтраком и пронесите в блок.

– Зачем хлеб? – спросил Бобби.

– Для дрожжей, друг мой. Для брожения. Смешай его с фруктовым соком и сахаром из буфета, и вуаля – вино готово! Наше тюремное бухло.

– Жрачка! Все в очередь! – заорали санитары.

Очередь на жаренку медленно ползла в сторону кухни по трехсотметровому туннелю с шипящими трубами парового отопления. В столовой стояло семьдесят пять столов на четыре человека и вращающиеся табуреты, привинченные к полу. Столы с паровым подогревом не давали еде остыть. Старые, грузные женщины разносили пластмассовые подносы. Из столовых приборов полагались только ложки.

На завтрак были овсянка, яйца вкрутую, хлеб с маслом, молоко и апельсиновый сок в пенопластовой чашке. Хлеб не ограничивали, и Аллен шепнул Бобби брать как можно больше, не вызывая подозрений. Тот передал приказ Ричарду.

Гейб был четвертым за их столом. На тарелке великана лежала двойная порция. Он молча и сосредоточенно отправлял еду в рот. Ложка лишь раз застыла на полпути – он заметил, как трое товарищей запихивают за пазуху хлеб, когда не смотрят санитары. Нахмурился, но промолчал и снова принялся за еду.

Бобби прошептал:

– Билли, как мы пронесем в отделение сок? Нальем в карманы?

– Нет, это апельсиновый. Нам лучше тот, что дают на обед, виноградный. И я уже все придумал.

Чело Гейба снова потемнело.

– Ну, хватит! – прошипел он. – Суετε хлеб в рубашки, собираетесь красть сок. На кой оно вам?

– Видишь ли, мой могучий друг, – пояснил Аллен, пряча за пазуху очередной кусок, – мы собираемся делать вино.

– Вино? Из хлеба с соком?

– Ага. Кстати, ты тоже прихвати хлеба. Если повезет, через две недели у нас хватит пойла на всех вменяемых.

– Это вроде бормотухи, которую делают в тюрьме?

– Типа того. Не «Моген Дэвид», но тоже сойдет.

Вернувшись в отделение, они спрятали на нижней полке в шкафу аллена в общей сложности больше буханки хлеба.

Гейб уселся на унитаз, закинул ноги на кровать и сцепил руки за головой. Ричард сидел тихо, успокоенный газировкой. Бобби и аллен пили кофе.

– Окей, профессор, – произнес Бобби, – как мы пронесем сок?

– Украдем с сестринского поста несколько катетерных мешков. Они не протекут.

Гейб озадаченно посмотрел на аллена:

– Катетерный мешок? Это еще что за хрень?

– Мешок для мочи, чучело, – ответил Бобби. – Как у старика с зеленой табличкой на двери.

Гейб поморщился от отвращения.

– Да ладно тебе, – успокоил аллен. – Они там стерильные. Я бы использованный не взял.

– Дошло! – потрясенно выговорил Бобби. – Гениально! Закрепим мешки под рубашками и пронесем сок!

– Остается придумать, как украсть мешки, – добавил аллен.

– Предоставьте это мне. – Гейб встал и направился к двери. – К обеду будет сделано.

– Тогда самое сложное позади, – сказал аллен.

Ричард захихикал.

Бобби почесал нос.

– Хоть бы получилось. Живем среди такого дерьма, что давно пора выпить.

Бобби и аллен до обеда играли в шахматы. Доска стояла на кровати неустойчиво, но они приноровились. Ричард тронул Бобби за локоть, молча прося дозволения принести еще попить. Дозволение было получено.

Когда он отошел достаточно далеко, заговорили о том, как важно подготовить парня к самостоятельной жизни, ведь Бобби скоро отправится в тюрьму, оставив маленького человечка здесь в одиночестве. Бобби согласился с алленом, что Ричарду пора отращивать крылья – надо вытолкнуть его из гнезда, чтобы учился летать, – но он выжидал подходящего момента. После судебного заседания, сказал он, когда Ричард вернется на несколько недель в больницу, пока будут улаживать бюрократические формальности для отправки домой, ему уже будет легче. Мысль о доме смягчит для Ричарда удар. А потом, на воле, кто-нибудь возьмет его под крыло, он такой душа.

Ричард вернулся с газировкой и сел у ног Бобби. Партия в шахматы продолжалась.

Без десяти двенадцать в дверном проеме показался Гейб.

– Скоро хавчик, ребята, – плутовски улыбнулся он и вытащил из рубахи три мочеприемника.

– Как тебе удалось? – спросил Бобби.

– Не заморачивайся. Главное, достал.

– Идеально, – заявил аллен.

– Тогда за дело, мать вашу! – воскликнул Гейб.

аллен сунул мешок под рубаху. Бобби и Гейб последовали его примеру, а Ричард радостно хлопал в ладоши.

– Жрачка! – эхом разнеслось по коридору.

Когда встали в очередь, аллена кольнула совесть. Он вспомнил, что ставит под угрозу предстоящее судебное слушание, и уже не мог точно сам себе ответить, зачем идет на такой риск. В Афинах доктор Кол говорил, что у него есть привычка испытывать судьбу...

– Сначала надо раскрошить хлеб, – скомандовал аллен, когда они вернулись с обеда.

Бобби помог ломать хлеб, Ричард внимательно наблюдал, Гейб стоял на стреме.

– Теперь затолкаем в бутылку из-под молока, – сказал аллен. – Потом насыпем полкило сахара. В хлебе дрожжи. Смесь сахара, дрожжей и виноградного сока забродит, и возникнет давление. Чем дольше брожение, тем больше жидкость превращается в алкоголь. Хлебный спирт... Как кукурузный самогон...

– Давление? – переспросил Гейб. – А бутылка не взорвется?

– Не дрейфь, – аллен вытащил из шкафа резиновую перчатку. – Нашел в помойном ведре, помыл как следует. – Он надел перчатку на горлышко бутылки и закрепил резинкой. – Перчатка будет надуваться и в то же время поддерживать нужное давление для нашего эликсира.

Бобби оттянул пальцы перчатки и со щелчком отпустил.

– Можно потом еще сока долить?

– Даже нужно, – ответил аллен. – Теперь надо выбрать место, где ее припрятать, пока идет процесс. На брожение надо восемь дней. Воздух из перчатки будем выпускать по очереди.

– И где же припрячем? – спросил Гейб.

аллен подмигнул:

– По-моему, лучше всего – в южном зале над клеткой санитаров. Подождем ночной смены.

– Прямо у них под носом! – присвистнул Бобби.

– Поправочка: над носом, – уточнил аллен. – Там столько дверей, что они ни за что не унюхают.

3

За день до того, как Миллигана перевели из Афин в Лиму, студентка факультета журналистики, писавшая для университетской газеты «Лэнтерн», Сьюзан Прентис смогла обойти охрану, пробраться в отделение и поговорить с ним. Это произошло во время сумятицы, так что разговаривала она с Билли-О.

Позднее, после перевода в Лиму, она написала ему письмо, говоря, что люди его не понимают и боятся из-за собственного страха перед неизвестным. Добавила, что до встречи с ним тоже боялась, но стоило ей только его увидеть, как все изменилось. Теперь она считает его хорошим, душевным человеком и чувствует вину за свои былые предрассудки. Как правило, писала она, журналисты встают на защиту слабого, но никто не понимает, как обращаться с таким, как он.

Билли-О согласился на ее просьбу о повторном визите двадцать третьего октября тысяча девятьсот семьдесят девятого года, но так ее и не увидел, потому что артур не доверял ему разговоры с прессой. По его приказу на Пятно встал аллен, а когда Билли-О вернулся, она уже выходила из комнаты свиданий, махая на прощание. Билли-О обнаружил у себя во рту сигарету аллена, и его чуть не стошнило. Это нечестно. артур установил правило, что аллен должен тушить сигарету, прежде чем уходит с Пятна. Судя по переполненной пепельнице, беседа была долгой.

Когда Билли-О вернулся в отделение, он в ужасе обнаружил посреди своей камеры санитар Карла Льюиса. Вокруг были раскиданы одежда и туалетные принадлежности, кровать засыпана тальком, зубная паста выдавлена из тюбика.

– Где мои деньги, щенок?! – шепеляво рявкнул Льюис.

– Я же сказал, что заплачу, – взмолился Билли-О. – Зачем этот погром? Вы стояли за моей спиной сегодня утром, когда я солгал адвокату, что у меня сломалось радио, и он должен послать вам на новое сто долларов.

– Сегодня утром? Ты кому мозги пудришь? Это было три дня назад. По Вестерн Юнион до сих пор никаких переводов.

– Я ему позвоню еще раз. Наверно, он был занят. К утру деньги придут.

Льюис вышел из камеры с презрительной ухмылкой:

– Надеюсь... Очень надеюсь.

Билли-О прекрасно понял угрозу. Он видел, что случается с другими пациентами. Если деньги не поступят, ему не поздоровится. Хотя со времени поступления в этот гадюшник у него не было прямого мысленного контакта с артуром, рейдженем или алленом, он знал, что они периодически вставляли на Пятно. Он находил записки, нацарапанные незнакомым почерком. Ему часто говорили, что он сказал или сделал что-то, о чем он не помнил. Время исчезало. Не только минуты и часы, а – судя по словам Льюиса – целые дни. Ему стало стыдно.

Внезапно он услышал снаружи рев толпы. Подбежал к окну и увидел, что во дворе размахивают палками сотни заключенных. Лица некоторых закрыты капюшонами. Не веря своим глазам, он выскочил из камеры с криком «Бунт! Бунт!».

Карл Льюис посмотрел на него с омерзением:

– Говнюк...

– Я видел! Они захватили двор! Ты мне ничего не сделаешь! Они сюда ворвутся, и тогда ты узнаешь!

Льюис покачал головой:

– Ждешь не дождешься, а?.. Здесь кино снимают. Не слыхал?

– Кино?

– Да, для телевидения. Выбрали Лиму, потому что очень похоже на Аттику[1 - Тюрьма строгого режима в штате Нью-Йорк, где в 1971 году произошло восстание заключенных (прим. переводчика).].

Билли-О печально покачал головой, вернулся в камеру и поглядел в окно. Можно было сразу догадаться – слишком хорошо, так не бывает. В мире нет справедливости.

Глава шестая

Хмель тюремного вина

1

Во вторник шестого ноября тысяча девятьсот семьдесят девятого года университетская газета опубликовала интервью с алленом, которое взяла Сьюзан Прентис, обойдя таким образом издания Афин, Колумбуса и Дейтона.

МИЛЛИГАН ЗАЯВЛЯЕТ О НЕАДЕКВАТНОМ ЛЕЧЕНИИ

«Я знаю, что мне нужна помощь. Без этого я никогда не смогу вернуться в общество и быть ему полезным».

Доктор Корнелия Уилбур, знаменитый специалист по диссоциативному расстройству идентичности, которая работала с Миллиганом... сказала, что с

момента перевода из Афинской психиатрической клиники четвертого октября Миллиган не получает лечения...

По словам Уилбур, Линднер поставил Миллигану диагноз психопатии и шизофрении...

Уилбур охарактеризовала госпиталь в Лиме словом «гадюшник» и заявила, что Миллиган не получит должного лечения... пока политики не прекратят использовать его в собственных интересах. Она также добавила, что настаивает на его возвращении в Афины.

Миллиган сказал: «Я совершил преступления. Теперь я это знаю... Мне было так стыдно. Столько времени я жил с тяжелейшим чувством вины и не мог решить: поправиться или гнить здесь до самой смерти...»

рейджен рассердился на аллена за то, что тот признался перед прессой в других преступлениях, но артур сказал, что молодая журналистка написала очень позитивную статью. аллену не понравились цитаты. «Сделала из меня слюнтю – одно нытье и жалобы». А Билли-О публикация пришлась по душе. Там было то, что он сказал бы сам, если бы достало мужества и красноречия.

В результате громкого успеха статьи Сьюзан Прентис после окончания университета получила место репортера в газете «Колумбус ситизен джорнал». В отличие от других журналистов, которые пытались пробиться к Миллигану, у нее был прямой доступ к нему практически в любое время. Билли-О время от времени сам звонил ей, чтобы дать очередной материал.

2

Билли-О все еще раздумывал над вырезкой из газеты, которую нашел на кровати, когда в дверь отрывисто постучали. Он поднял глаза и увидел Бобби. За ним шел Ричард, держа в руках клетку с двумя песчанками.

– Давай, – сказал Бобби Ричарду, – Расскажи ему.

Когда Ричард отступил и покачал головой, Бобби заговорил от его имени:

– Ричарда через несколько дней увезут на суд. Скоро придет соцработник, чтобы забрать мышек в питомник. Они держат их там, пока ты в суде или еще по какой-то причине покидаешь отделение. Но чаще всего возвращают потом уже других, потому что в зоотерапии тебя ставят в лист ожидания. У меня своих уже четыре. Если увидят, что их стало еще больше, отберут всех. Ричард тебе доверяет, он знает, что ты будешь их кормить и разговаривать с ними, чтобы у них не развился комплекс.

Билли-О подивился слову «комплекс», но, понимая, что Бобби пытается успокоить Ричарда, ответил:

– Буду беречь как зеницу ока, кормить и чистить клетку.

Ричард указал на мышь покрупнее:

– Это Зигмунд, а другой – Фрейд. Если разговаривать с Зигмундом, он отвечает. Смотри... Зигмунд, познакомься с Билли!

Мышонок сел на задние лапки и пискнул.

Билли-О изумился. Зверек как будто в самом деле понял Ричарда.

Вынув песчанок из клетки, Ричард посадил их Билли-О на плечо.

– Пусть они тебя обнюхают. Не бойся, они не кусаются.

Песчанки бегали туда-сюда по плечам, волосам и даже обнюхали ухо. Устроившись на плече Билли-О, Зигмунд пискнул в знак одобрения. Фрейд вел себя более сдержанно. Это было так забавно и так по-настоящему.

Ричард погладил их на прощание:

– Ведите себя хорошо. Завтра я вас проведу.

Бобби потянул друга за руку:

– Не волнуйся. Все будет хорошо.

3

Новизна ушла, и жизнь в Лиме обрела тупое однообразие. Утром, накануне запланированного судебного слушания Ричарда, в общем зале было, как всегда, скучно. Гейб делал свои обычные двадцать четыре отжимания на одной руке, Ричард сидел у него на спине, подсакивая, как ковбой на дикой лошади. Бобби устроился перед ними на полу, а аллен читал в кресле «Ньюсуик» двухнедельной давности.

Бобби неожиданно поднял глаза и прошептал с тихим восторгом:

– Эй, Лось, бухло, наверно, готово.

Не переставая отжиматься, Гейб спросил:

– Когда погудим?

Бобби вопросительно посмотрел на аллена.

– Надо перенести бутылку к кому-нибудь в камеру до второй смены и распить после ужина, – ответил тот. – Раньше нельзя – если заметят, как мы шатаемся, все пропало. От центрального стола до столовки восемьсот пятьдесят семь метров...

– Ты откуда знаешь?

– Считаю шаги, чтобы не спятить. Вы, ребята, не пройдете ровно и половину пути.

Гейб перестал отжиматься и, когда Ричард слез с него, сел на полу.

– Да ладно, сколько там бухла-то... И не такое оно крепкое...

Гейб обычно вел себя тихо, был скорее последователем, чем лидером, но в гневе становился грозным, и тогда его мощь поражала. Он убил человека одним ударом, проломив его головой автомобильное стекло, после того как тот пустил ему две пули в живот. Никто не спросил почему. Из окружной тюрьмы в Лиму Гейбла перевозили не в чем ином, как в бронированном инкассаторском автомобиле, так как в его деле значилось, что он однажды в приступе ярости голыми руками вырвал дверцу у фургона.

– Да я и после ведра не закачаюсь, – хвастливо заявил Гейб.

аллен улыбнулся:

– То, что ты пил раньше, Гейб, это помои – «Джек Дэниелс», «Блэк Вельвет», «Сазерн комфорт» и прочая магазинная хрень. На вкус, может, и крепко, а на самом деле не больше сорока градусов. А брага, которую я научился делать в Лебаноне, – от шестидесяти до восьмидесяти. Она крепкая, как домашний виски, только делается на фруктах, а не на зерне. Ее в машину можно заливать – поедет.

По мере того как до них доходил смысл сказанного, росла их радость.

– Ладно! Ладно! – воскликнул Бобби, хлопнув Гейба по руке. – Так и сделаем!

Они дождались пересменки, когда персонал уходил из отделения, и как ни в чем не бывало направились к клетке санитаров. аллен стал на стреме, а Гейб схватил Бобби за ремень сзади и без малейшего напряжения приподнял к потолку.

Пластиковую бутылку доверили Гейбу, потому что санитары и охранники привыкли, что он носит в них чай со льдом. Он спрятал ее у себя в камере и присоединился к остальным в очереди на жрачку.

После ужина четверо заговорщиков собрались у Гейба и принялись за дело. Бобби принес пустую картонку из-под йогурта и рваную футболку.

– Итак, – сказал аллен, – сначала надо процедить. – Он проткнул дырку в картонке, выстлал ее футболкой и через импровизированное сито слил жидкость во вторую пластиковую бутылку из-под молока. – Отойдите. Вонять будет так, что сшибет ковбоя с лошади. Сейчас поймете, почему это пойло называют бормотухой. Мякоть, кстати, тоже съедобная. Если выдержите запах...

Ричард с любопытством поднял глаза:

– 3-зачем есть мякоть, если она т-такая гадкая?

аллен осклабился:

– За тем же, что и пить эту бурду.

Получилось больше трех с половиной литров. Решили выпить все сразу и уничтожить следы. Бобби сторожил дверь. аллен плеснул немного в стакан из-под кока-колы и отхлебнул. Как смесь бензина и серной кислоты. Жидкость потекла вниз, обжигая горло, вызывая отрыжку, и тяжелым кирпичом придавила желудок.

Хотя всем было ясно, что он в агонии, аллен все-таки выдавил:

– Иде-ально!

Бобби вопросительно взглянул на Ричарда. Тот ответил:

– Я т-тоже буду...

Распили все быстро.

После того как вещественные доказательства были уничтожены, минут двадцать посидели молча, слушая радио. аллен весь оцепенел. Звуки сливались, голова кружилась, и в то же время он чувствовал радостную обалделость. Ричард вскоре отрубился, его голова оказалась под кроватью Гейба. Бобби – чуть не рухнув с унитаза – объявил, что его организм умер десять минут назад. Только Гейб и аллен соображали достаточно, чтобы их вдруг пробило, какой серьезный промах они допустили.

– Ну, мы идиоты! – простонал аллен. – Ричарду и Бобби придется пройти мимо центрального круга, чтобы попасть в свои камеры.

– И что ж теперь делать?.. – Гейб с трудом поднялся на ноги и почесал голову. – Ты иди к столу и попроси у санитара иголку с ниткой. Он пойдет за иголкой в сестринскую, они там в шкафу под замком. Мне как раз хватит времени, чтобы протащить их через круг. Только не дыши и не вихляйся.

аллен соображал хуже Гейба, но все-таки понимал, что великан тоже упился в драбадан. Надо было собрать мозги в кучу, чтобы окончательно не провалить все дело.

– А если он спросит, зачем мне иголка с ниткой?

– Скажешь, рубашка порвалась. Мол, надо зашить.

аллен потрянул головой, проясняя мысли.

– Но у меня нет рваной рубашки...

Нетерпеливо нахмурившись, Гейб оторвал от его рубахи карман.

– Теперь есть.

Действовали по плану. Как только санитар ушел в сестринскую за иголкой, Гейб проскочил мимо круга с Бобби и Ричардом под мышками. Вздохнув с облегчением, аллен, очень медленно, аккуратно ступая шаг за шагом, вернулся к себе.

Отключился прежде, чем голова коснулась подушки.

На следующее утро мозг аллена напоминал пресс-папье в баскетбольном мяче. Пульсирующие болью пазухи заставили, хоть и под угрозой еще большей боли, открыть глаза. Внутренним взором он видел себя в светлом Пятне сознания на сцене реальности. Странно, подумал он, раньше он никогда не замечал этого Пятна, пока артур не объяснил внутренним детям, что быть в мире, взаимодействовать и разговаривать с другими людьми – значит быть «на Пятне». Теперь он четко видел его, как юморист, который стоит на сцене лицом к зрителям, пока другие артисты прячутся за кулисами. Он хотел поклониться и уйти, но круг яркого света неотступно следовал за ним, не давая себя покинуть. Как в тюрьме.

Он понял, что артур и рейджен заставляют его отвечать за свои поступки и не дают никому другому выходить в сознание. Придется самому страдать от похмелья.

– Свершивший да несет последствия дел своих, – произнесли его губы с лондонским акцентом артура.

Слова эхом отразились от стен пустой камеры.

Губы аллена запеклись, суставы ныли. Он с трудом встал на ноги. Нализаться в полночь, а потом вылезти из койки в половине шестого утра – та еще задачка. В конце концов он пошатываясь вышел в коридор, доплелся до фонтанчика и жадно выхлебал, как ему показалось, литра три. Нижние веки набухли, глаза щипали, как будто в них швырнули песком.

– Господи, дай мне это пережить, – простонал он.

Бобби и Ричард являли собой картину молчаливой агонии. Бобби поднял на аллена налитые кровью глаза:

– Такое чувство, что сожрал динамит.

Ричард, в парадной одежде для суда, выглядел, с учетом обстоятельств, неплохо. Похмелья было незаметно. Казалось, что он просто нервничал. Тряхнул головой, отбрасывая с глаз каштановую челку.

– Присмотришь за Зигмундом и Фрейдом, да?

– Конечно, – ответил аллен, – буду разговаривать, чтобы у них не развились комплексы.

Ричард улыбнулся, морщась от головной боли.

– Не хочу, чтобы они совсем меня забыли, если я после суда вернусь не сразу. Могут на несколько дней оставить в окружной тюрьме.

Когда подошло время идти, Ричард встал и, глотая слезы, посмотрел на аллена и Бобби. Сдерживая чувства, Бобби схватил его за руку и отвел глаза:

– Не дрейфь, сморчок.

Прощание было грубо прервано мистером Рузоли, который ворвался в зал в сопровождении Льюиса, расталкивая по дороге зомби.

– Встать, гады! Мордой к стене!

Свирепо зыряка глазами и раздувая ноздри, Рузоли прохаживался вдоль шеренги пациентов.

– Ну что, быдло! – рявкнул он. – Будете стоять до тех пор, пока не осознаетесь, кто написал на стене, что я сосу хуй.

аллен с трудом подавил смех. В этот момент по громкоговорителю объявили, что Ричард должен подойти в круг, и он повернулся.

– Стоять, мать твою! – заорал Рузоли.

Ричард смертельно побледнел.

– Н-но, сэр, м-меня увозят в суд.

Взгляд Бобби остекленел.

Рузоли схватил Ричарда за рубаху:

– Слушай, ты, мразь, ты будешь делать то, что я скажу. Скажу «сри», ты сядешь. Скажу «в жопу дай», нагнешься. Ясно тебе, мистер? – Он стукнул Ричарда головой о стену и прорычал: – Ты меня понял? Понял?

Когда Рузоли рывком поставил Ричарда в строй, Бобби тихо и угрожающе произнес:

– Убери от него руки.

Рузоли перевел ледяной взгляд с Бобби на Ричарда:

– Трахаешь этого урода, а, Стил?

Бобби шагнул между Рузоли и Ричардом, выхватил из носка заточку и дуговым движением полоснул Рузоли по запястью, достав до кости. Не успели окружающие сделать и шага, как он уже исполосовал Рузоли лицо, шею и грудь.

Кровь хлынула рекой. аллену забрызгало лицо, и он крикнул:

– О боже!

Ноги подкосились, но, прежде чем он упал, рейджен вытолкнул его из сознания и кинулся на Бобби, чтобы не допустить убийства. Заточка полетела на пол.

Громкоговорители ревели: «Тревога! Тревога! Блок «А»! Требуется реанимация!» Выла сирена.

Карл Льюис сорвал с себя рубаху и прижал к шее Рузоли, чтобы перекрыть фонтан крови.

– Черт, Сэм, я же предупреждал: не связывайся с этими психами! О господи, Сэм, не умирай! Ради бога, не умирай!

В коридоре слышался топот солдат особого отряда.

рейджен, который был резко вброшен в сознание страхом аллена, предвидел последствия и действовал быстро. Он посмотрел на Гейба, и тот сразу все понял. рейджен левой ногой отфутболил ему заточку. Та угодила в кроссовку. Гейб моментально растоптал ее в пыль.

Особый отряд потащил Бобби в карцер, остальных заперли в камерах.

Сирена в конце концов заткнулась, но охранники все прибывали. Помощник начальника службы безопасности громовым голосом скомандовал: «Обыск!» Пациентов по одному вытаскивали из камер и раздевали донага.

– Мордой к стене, твари! Руки на стену!

В поисках орудия преступления они перевернули камеры вверх дном: проверяли швы брюк, вспарывали подушки, выдавливали шампунь и зубную пасту. Один охранник, надев перчатку по локоть, проверил унитазы.

Коридоры вскоре заполнились мусором. Голые пациенты выстроились лицом к стене.

Но заточку Бобби так и не нашли.

Глава седьмая

Зоотерапия

1

Судья Дэвид Р. Кинуорти распорядился, чтобы слушание по делу Миллигана тридцатого ноября тысяча девятьсот семьдесят девятого года проходило в закрытом режиме. В глубине зала сидел представитель Управления по условно-

досрочному освобождению, готовый арестовать Миллигана, если судья объявит его «не представляющим опасности для себя и окружающих» и он выйдет из-под юрисдикции Департамента психиатрии.

Учтивый адвокат Билли Л. Алан Голдсберри, смахивающий на молодого полнокровного футболиста, поместился рядом со своим помощником, худощавым Стивом Томпсоном. Когда заместитель шерифа ввел в зал заседаний Билли в наручниках, адвокаты раздвинулись, давая ему место.

Месяцем ранее, вскоре после обследования доктором Милки, аллен попросил Голдсберри непременно вызывать Милки в суд. «Милки обещал сказать, что со мной все в порядке. Он снял меня со стелазина и перевел в блок «А». Он вроде неплохой, я ему доверяю. Напомните, чтобы прихватил отчет от тридцатого октября».

Однако со свидетельской трибуны, ссылаясь на больничные записи, Милки заявил суду, что он диагностировал у Миллигана расстройство личности, что он асоциальный и страдает психоневротической тревожностью с диссоциативными проявлениями. Добавил, что дважды обследовал Миллигана в госпитале (последний раз – тридцатого октября) и в течение полчаса наблюдал за ним перед данным слушанием.

Когда заместитель прокурора спросил, такой ли Миллиган сегодня, каким был в больнице, Милки ответил:

– Да, он психически болен.

– В чем это проявляется?

– Его поведение неприемлемо. Он грабитель и насильник. В конфликте с обществом. Человек, которому наказание не идет на пользу.

Милки добавил, что в данном случае велика вероятность суицида и что Миллиган опасен для окружающих, а единственное подходящее для него место – больница строгого режима вроде Лимы.

– Как вы его лечили?

– Грамотным пренебрежением.

Милки не пояснил этот термин, но во время перекрестного допроса презрительно ответил Голдсберри, что не согласен с определением диссоциативного расстройства идентичности в последнем, втором, издании «Руководства по диагностике и статистическому учету психических расстройств».

– Я исключил в данном случае множественную личность так же, как, взглянув на результаты его анализа крови, исключил сифилис. Этого диагноза там просто нет.

Мнению Милки противоречили показания Джорджа Хардинга, Дэвида Кола, Стеллы Каролин и Дороти Тернер.

Судья Кинуорти предоставил слово Миллигану.

Впервые в жизни Билли разрешили выступить со свидетельской трибуны по собственному делу. Высокий, уверенный в себе и спокойный, он приветствовал собравшихся дружелюбным кивком и легкой улыбкой. Затем неловко ссутулится, чтобы левой рукой в наручниках коснуться Библии, а правую поднять.

Когда он поклялся говорить всю правду и ничего, кроме правды, всем, кто с ним раньше работал, стало очевидно, что перед ними Учитель, ибо только сумма личностей могла знать всю правду.

Во время первоначального допроса Голдсберри спросил его про лечение в госпитале Лимы:

– Вам проводят гипнотерапию?

– Нет.

– Групповую терапию?

– Нет.

– Музыкальную терапию?

Учитель рассмеялся.

– Нас однажды завели в комнату, где стояло пианино, и оставили. Врач так и не появился. Мы просидели там несколько часов.

Во время перекрестного допроса помощник прокурора спросил:

– Почему вы отказываетесь принимать лекарства?

Учитель печально покачал головой:

– Я не могу проводить терапию сам себе. Блок «А» – сарай, а не больница. В Афинах у меня бывал регресс, но врачи помогали мне с этим справляться. Там доктора знали, что делать, не наказывали, а лечили.

Судья Кинуорти объявил, что вынесет решение в течение двух недель.

Десять дней спустя, десятого декабря тысяча девятьсот семьдесят девятого года, Кинуорти постановил, что Билли останется в госпитале Лимы, но обязал больничный персонал обращаться с ним согласно поставленному диагнозу множественной личности.

Впервые в истории суд Огайо указывал психиатрам в психиатрической больнице, какой вид терапии применять.

2

Узнав о решении Кинуорти оставить его в Лиме, аллен пал духом. Он был уверен: теперь санитары и охранники сочтут, что имеют полное право превратить его жизнь в кошмар.

Через несколько дней после того, как о судебном решении стало известно прессе, в блоке «А» назначили нового начальника. Он широким шагом прошелся перед пациентами, выстроившимися в зале. Холодные голубые глаза, тонкие усики, поджатые губы. С пояса, частично скрытый жилетом, свисал кусок электрического провода – плеть.

– Меня зовут мистер Келли, я старший по отделению. Ваш бог! Ваш господин и повелитель! Будете это помнить – мы поладим. А если кто-нибудь проснется и решит, что может выпендриваться, добро пожаловать в круг. У меня для вашей жопы припасен сюрприз. – Он сделал паузу и свирепо зыркнул на аллена: – Это касается всех, Миллиган.

Вернувшись в камеру, аллен решил держаться от Келли подальше. Он чувствовал страх, но не злость. Как будто больше уже не мог злиться. Сообразил, что рейджен – хранитель ярости – маячит где-то рядом с Пятном.

В металлическую дверь резко постучали. Просунул голову Гейб. Он был необыкновенно бледен.

– Бобби вернулся, – произнес он слабым голосом. – Он у себя...

аллен бросился по коридору в комнату Бобби, распахнул дверь и в ужасе остановился. Оплывшие сине-черные глаза Бобби едва открывались. Из перебитого носа текла кровь. Губы распухли.

– Сучары! Садисты! – крикнул аллен.

Грудь Бобби покрывали синяки, обе руки были перебинтованы. Из гипса торчали черно-синие пальцы. На указательном пальце правой руки не было ногтя.

– Не знаю, утешит ли это тебя, Бобби, но ты Рузоли не ухайдокал. Он жив, хотя вряд ли мы снова увидим этого сукина сына.

На следующее утро кевин обнаружил себя в умывальне и поморгал, разглядывая иней на оконном стекле. Он вздрогнул. Потер нос, и стало больно, как после

обморожения. В металлическом зеркале отразились его налитые кровью глаза. Побрызгал воду на лицо, но это не помогло. Настроение у кевина было паршивое, ноги ныли от холода. Он опустил глаза. Ботинок не было. Слава те господи, хотя бы хватило ума надеть две пары носков. Он вышел из умывальни и направился в камеру, но обнаружил, что она заперта, хотя двери других пациентов были открыты.

– Какого черта!..

Испытывая отвращение, он побрел к кругу. Разговаривать с новым начальником блока совсем не хотелось, но, чтобы не создавать проблем, Билли придется быть вежливым. Откашлявшись, кевин произнес:

– Мистер Келли, я ходил умыться перед завтраком, а сейчас вернулся – камера заперта.

Келли поднял на него свирепый взгляд:

– И что?

– Мне бы обуться, пока не просигналили завтрак.

– Нет!

– Что?

– Я сказал «нет»!

кевин сообразил, что кто-то что-то натворил и теперь всем им труба. Он подозревал, что все это из-за Учителя, который в суде критиковал больницу, персонал и Милки с Линднером.

– Что я сделал! Я требую встречи с омбудсменом!

– Нет! – рявкнул Келли. – И вали из круга!

– Пошел ты на хер! – крикнул кевин. – Хочешь, чтобы я ушел, мудило, давай, прогони меня!

Когда Флик и Огги схватили его за руки и бросили в карцер, он думал, что на помощь придет рейджен. Но Защитник не подавал признаков жизни. Металлическая дверь захлопнулась. кевин с трудом удержался на Пятне. Если рейджен не намерен вмешиваться, он сам покажет этим садистам.

артур был под большим впечатлением – при таких тяжелых обстоятельствах кевин держался отлично, тем самым доказывая, что полезен «семье». В награду за мужество артур объявил, что кевин больше не входил в список нежелательных и отныне присоединяется к привилегированной десятке.

дэнни сидел на стальной доске, которая в карцере служила кроватью. Растерянный и перепуганный, он поджал ноги, пряча ступни под себя, и вздрогнул. Здесь было градусов пять.

– Да что такое? – крикнул он. – Кто что натворил на этот раз?

Надо держать себя в руках. Ему почти пятнадцать, он должен показать остальным, что уже взрослый и может участвовать в делах. Шарканье ног и шум за дверью подсказали, что настало время жрачки, но он запутался, завтрак это или обед. Он очень давно не вставал на Пятно.

Послышались тяжелые шаги. Келли крикнул сквозь дверь:

– Миллиган! Твой поднос!

дэнни подошел ближе, чтобы взять еду, но дверь резко распахнулась, Келли схватил его за волосы и швырнул на пол. Подноса с едой не было! Старший по отделению его обманул.

Келли выхватил провод и трижды ожег дэнни кнутом по спине, одновременно пиная в ребра мисками тяжелых ковбойских ботинок. Когда дэнни рухнул плашмя на унитаз, Келли захлопнул и запер дверь так же быстро, как напал.

дэнни, дрожа, закатился под стальную койку.

– Почему? Что я сделал? Почему взрослые всегда обижают маленьких?

Ему казалось, что вместо слез у него из глаз течет кровь.

– рейджен! – взмолился он. – Где ты?

Полчаса спустя дэнни был освобожден дежурным психологом, в обязанности которого входило следить за тем, чтобы все пациенты в карцере отвечали критериям для одиночного заключения. Психолог, однако, ничего не сказал о состоянии дэнни.

Забыв про голод, дэнни отер кровь с носа и пошел в камеру. Старший по отделению Келли и жирный Огги стояли в дверях. Ему было страшно, но он продолжал идти. Потом заметил снаружи у двери клетку Зигмунда и Фрейда. По полу была рассыпана их подстилка из резаной бумаги.

дэнни протиснулся мимо санитаров. Надо найти песчанок. Наверняка где-то прячутся.

Келли ухмыльнулся:

– Миллиган, что бы ни говорил судья, теперь все будет по-другому. У меня для тебя новость: «Второй страйк». – Он пошел прочь. По коридору гулко отдавался стук его каблуков.

дэнни в панике оглядел комнату. Он шепотом звал Зигмунда и Фрейда, искал под кроватью и по углам. Потом упал на колени, заглянул в унитаз и увидел мышек.

Протянул дрожащую руку и вытащил сначала одну, а потом другую. Попытался их согреть, надеясь, что они живы. Не мог смириться с мыслью. Ричард поручил ему заботу о зверушках, и дэнни к ним привязался. Он положил Зигмунда на край тумбочки и попробовал реанимировать его, прижав два пальца к спинке и слегка нажимая, чтобы вытолкнуть воду. Вместо воды потекла кровь. Прежде чем кинуть в воду, кто-то раздавил их ботинком.

Надо срочно рассказать Бобби Стиллу. Бобби сообразит, что делать. Он побежал в камеру друга, но там было пусто. Вещи Бобби исчезли.

дэнни спросил Джоуи Мейсона, где Бобби.

– Утром отправили в тюрьму, – ответил Мейсон.

дэнни с ужасом подумал, что Бобби не будет здесь, чтобы утешить Ричарда, когда тот вернется и узнает о смерти Зигмунда и Фрейда. Эта мысль была нестерпимой. дэнни закрыл глаза и ушел из сознания.

Глава восьмая

Прижигалка

1

Когда Алан Голдсберри узнал о побоях, то подал жалобу в суд. В ответ судья Кинуорти направил к Миллигану местного адвоката Джорджа Куотмана. Куотман привлек ФБР и добился, чтобы медицинское освидетельствование его клиента было произведено не в госпитале, а в гражданской больнице Лимы.

Заключение врачей было кратким и по существу: «Обширные гематомы на груди и лице. Шесть шрамов на спине, характер нанесения – как от кнута».

Однако Дэвид Бауэрс, прокурор округа Аллен, сообщил СМИ второго января тысяча девятьсот восьмидесятого года, что с персонала госпиталя сняты обвинения в ненадлежащем обращении с Миллиганом и что рубцы и синяки «не были следствием действий персонала». Бауэрс, согласно сообщению информационного агентства «Юнайтед Пресс Интернэшнл», отказался комментировать вопрос, что же послужило причиной телесных повреждений.

Пошли слухи, что синяки на лице Миллигана стали результатом случайного падения, а раны на спине он нанес себе сам.

Когда Миллиган вернулся в госпиталь, его направили не в блок «А», а в тускло освещенное «мужское отделение» – единственное место в этом лечебном заведении, где велось непрерывное круглосуточное наблюдение.

Суперинтендант Хаббард распорядился временно перевести его сюда после того, как ФБР пообещало вернуться с проверкой, чтобы удостовериться, что у Миллигана нет новых «случайных» или «нанесенных самому себе» травм.

аллену помещение казалось склепом – толстые стены, без окон, за исключением одного, выходящего на сестринский пост. Флуоресцентные светильники на потолке были выключены, горела одна слабая лампочка, торчащая из стены над окошком медсестер.

Со стороны соседней кровати из-за занавески слышались звуки отсасывающей трубки и постоянное шипение аппарата искусственного дыхания, они сопровождались низким гортанным клочкотанием человека, которого заставляют дышать. Пищал кардиомонитор. аллен сообразил, что дела его соседа – совсем дрянь. Было любопытно, но он не рискнул встать с постели и заглянуть за занавеску, потому что дежурный медбрат все время пилился сквозь окошко. аллен попытался игнорировать бросающие в дрожь звуки, но уснуть смог только на рассвете.

На следующее утро приехали мать Билли и ее новый муж Дел Мур. Они пробыли в больнице несколько часов и, вместе с Билли, в пух и прах разругались с доктором Милки по поводу его свидетельских показаний.

аллен постоянно твердил: «Милки, ты лживый урод!»

Когда они ушли, санитар по фамилии Янгблад проводил его обратно в отделение с непрерывным наблюдением. Он производил более приятное впечатление, чем остальные. Попросил посмотреть синяки и шрамы.

– Я читал про вас в газетах и смотрел вечерние новости. Может быть, теперь наконец займется этим заведением. Здесь сплошь и рядом беспредел. Очень жаль, что никто ничего не может сделать.

аллен взглянул на задернутую занавеску:

– Что с ним? Это шипенье не давало мне спать всю ночь.

– Очередное самоубийство, повесился. Перерезали веревку до того, как окочурился, но мозг из-за отсутствия кислорода уже не функционирует. Трубки торчат из всех дырок. Он просто овощ, который искусственно поддерживают аппаратами.

– Какой ужас!

– Скоро освободит койку... Ну, мне пора. Держитесь, я вернусь после ужина.

аллен кивнул, удрученный мыслью о живом мертвеце за занавеской. Он отогнал от себя этот образ и попробовал читать, но шум отсасывающего шланга вместе с пиканьем кардиомонитора не давали сосредоточиться. Он бросил книгу за изголовье, накрыл голову подушкой и задремал.

Разбудило его звяканье тарелок с ужином на шаткой тележке, которую вкатил в отделение санитар. Вошла медсестра Грандиг с прозрачной пластиковой трубкой, шприцом для промывания и бутылкой чего-то похожего на зеленый мел. Она надела резиновые перчатки и исчезла за занавеской. Аппетит у аллена пропал.

Он слышал, как она разговаривает с овощем:

– Моргните. Вы можете моргнуть, мистер Кейс? Я сейчас вас накормлю. Если вы меня понимаете, Ричард, моргните.

аллен оцепенел от ужаса. Ричард! Он вскочил, бросился к занавеске, сбив санитаря. Поднос с едой с грохотом полетел на пол.

– Нет! – кричал аллен, не желая верить. – О господи, нет!

Он дернул занавеску и сорвал ее с полозьев на потолке. При виде Ричарда его ноги подкосились, и он упал на колени, схватившись для опоры за поручни кровати. Трубки и провода облепили маленькое тело, словно игрушечного робота. Ричард обливался потом, шумно втягивал воздух через трахеотомическую трубку, глаза с суженными до булавочной головки зрачками смотрели в потолок.

– Держись, Ричард! Не умирай!

Ричард поверил Милки, который обещал сказать судье, что его можно выписывать. Теперь было очевидно, что слушание по делу Ричарда закончилось точно так же, как и его собственное, – умерла последняя надежда.

аллен с трудом поднялся на ноги, не отрывая взгляда от тела. Он чувствовал, как его сердце превращается в лед. Схватился за поручни кровати, чтобы не дрожать, и поручни заходили ходуном.

В это мгновение он, как никогда, ощутил ярость, ненависть и желание броситься в драку, свойственные рейджену. Набрал полную грудь воздуха и услышал в ушах звенящее эхо – они с рейдженем одновременно издали протяжный протестующий вопль.

Сестра Грандиг повернулась, уставив руки в бока:

– Мистер Миллиган, вас это не касается...

– Отойди от него, сука! – сдавленно прорычал рейджен. – Кому сказал?!

Ее глаза округлились. рейджен выдернул из пазов поручень кровати и стал размахивать им в воздухе, не подпуская набежавших санитаров. Разбил окно. Его попытались связать, но он повалил одного за другим.

– За что?! Как?! Будьте вы прокляты!!

Несколько санитаров схватили рейджена за руки и за ноги и потащили в душевую. Кто-то вонзил сбоку в шею шприц, и все потемнело.

томми поморгал. Он чувствовал, что его поднимают, кладут на каталку и привязывают ремнями. Высвободил руки из манжет, но санитар снова затянул их, еще туже, и связал голени. томми опять высвободился. Его связали в пяти местах – руки, ноги и поперек живота – и быстро покатали из мужского отделения.

Он знал, что его повезут в интенсивную терапию самого сурового блока номер девять, где все, что дозволено, – это сидеть на стуле. Ну, оттуда он выберется. Сбежит.

А потом сообразил, что везут не в сторону девятого, а к выходу на погрузочную площадку, и внезапно понял зачем... томми выворачивался из манжет, но санитар затягивал их туже. Толстая уродливая баба сунула ему в рот таблетку, вместе с санитаром выкатила его на улицу и подняла поручни у каталки. Его затолкнули в заднюю дверь фургона. томми увидел электрические провода. Он был внутри «прижигалки».

Все знали, что использовать шоковую терапию в Лиме запрещено, но он слышал от пациентов, что администрация обходила правила с помощью специально оборудованного фургона, который подключался к сети снаружи больницы. При первых признаках тревоги или в случае расследования машину отсоединяли, и она уезжала.

Некоторые из живых трупов по многу раз бывали в «прижигалке», но томми был уверен, что рейджен не позволит изжарить ему мозги и превратить в зомби.

Он не видел, кто подошел сзади, но внезапно над головой у него появилась Библия и с силой ударила по лбу – раз, другой, третий. Каждый раз кто-то приговаривал: «Изгоняю тебя, бес, именем Господа нашего Иисуса Христа! Изыди из этого тела и души!»

Голос напоминал Линднера. томми подумал, что это именно он, но проверить было нельзя. На голову, точно наушники, наклепнули электроды, скользкие от

токопроводящего геля, и повернули рубильник. Томми услышал гудение электричества. Единственное, о чем он думал, – по крайней мере, Ричард теперь обретет покой.

Ощутил удар. Прежде чем провалиться в темноту, позвал на помощь, но Рейджен не ответил.

Пульсация в шее резко втолкнула его в сознание. Он проснулся, окруженный расплывающимися людьми, которые никак не желали фокусироваться. Запястья и лодыжки сковывали стальные манжеты. Он лежал голый, распятый ремнями на стальной кровати, перевязанный поперек живота простыней. В оба бедра были сделаны уколы.

Чей-то голос произнес:

– Что ж, мистер Миллиган, теперь вы точно стали посмешищем. Суете нос, куда не следует, не повинуетесь приказам, позорите наше заведение в суде и причиняете массу неудобств, жалуясь через адвокатов в суд, полицию и ФБР. Так что вы здесь сгниете. Будете молиться о собственной смерти. О да, мистер Миллиган, это «Третий страйк». Вы вне игры.

На следующий день Линднер сделал в журнале запись, объясняющую перевод Миллигана в девятый блок.

(Льюис А. Линднер, врач)

19 декабря 1979 г., 21:30.

...Ввиду явной психотической симптоматики, которую пациент [Миллиган] проявил во время последнего обследования вчера вечером, считаю, что вторая по значимости его потребность – в поддержке, которую дает более регламентированная среда. В связи с этим предлагаю лечащей команде перевести его в закрытое отделение...

Больница также предоставила отчет санитаря, который описывал поведение Миллигана, доказывая, что тому требуется максимально строгий режим и изоляция.

Заявление свидетеля:

Был вызван в МО [мужское отделение], где пац-та удерживали несколько человек, чтобы он себе не навредил. П-т пытался высвободиться. Пришлось перевезти его в девятый блок. П-т не разговаривал, но, когда его привязали, продолжал высвобождаться. Пришлось затянуть ремни и привязать простыней поперек груди, а потом еще ремнем поперек живота. В конце концов, примерно в 2:00, он заговорил с нами здраво, и руки положили вдоль туловища. Он попросил воды и спросил, не поранил ли кого-нибудь. Во время инцидента травм никто не получил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тюрьма строгого режима в штате Нью-Йорк, где в 1971 году произошло восстание заключенных (прим. переводчика).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/deniel-kiz/voyny-milligana>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)